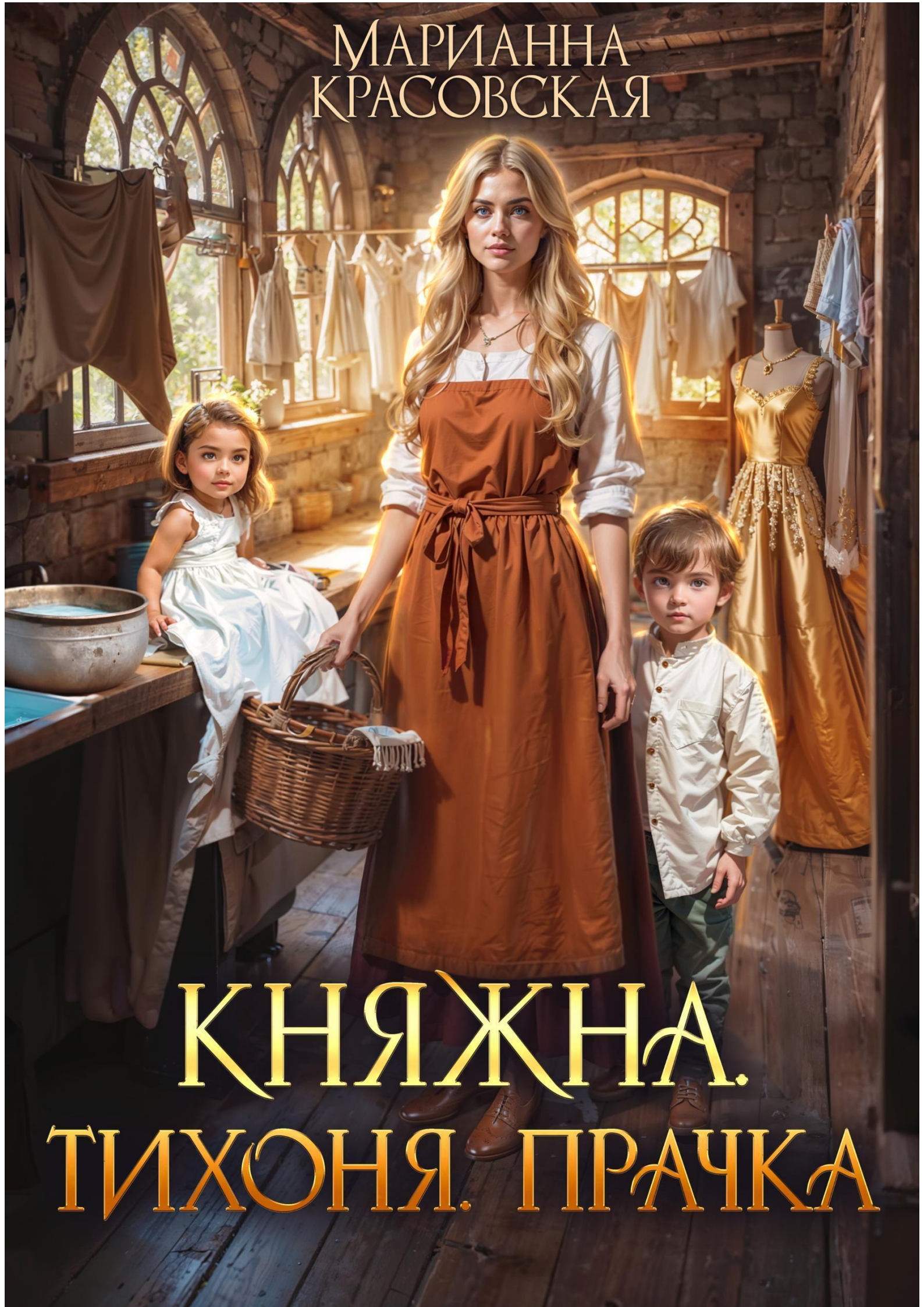

МАРИАННА
КРАСОВСКАЯ

КНЯЖНА.
ТИХОНЯ. ПРАЧКА

Хозяюшки

Марианна Красовская
Княжна. Тихоня. Прачка

«Автор»

2025

Красовская М.

Княжна. Тихоня. Прачка / М. Красовская — «Автор»,
2025 — (Хозяюшки)

Вдове с двумя детьми живется не так уж и просто, но я не отчаиваюсь. Я уехала на Юг, арендовала небольшую квартиру у земляков. Женщин-магов здесь немного, платят за хорошую уборку и чистку одежды неплохо. Еще немного, и я накоплю на собственный дом и открою маленькую прачечную. Но все мои планы рушатся, когда на горизонте появляется бывший жених. Ведь он знает обо мне слишком много... Боюсь, что спокойная жизнь закончилась навсегда.

Содержание

Глава 1. О нелегкой вдовьей доле	5
Глава 2. О политической ситуации	8
Глава 3. О любви	12
Глава 4. О торговле	16
Глава 5. О лгуне и предателе	20
Глава 6. Об усталости	25
Глава 7. О лжи	28
Глава 8. О мужчинах вокруг	32
Глава 9. О сложности выбора	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Марианна Красовская

Княжна. Тихоня. Прачка

Глава 1. О нелегкой вдовьей доле

Я проснулась от шебуршания за окном. Открыла глаза, прислушиваясь и внимательно разглядывая трещину на потолке. Крысы? Голуби? Помню, несколько недель назад ко мне на балкон прилетела сова и перевернула кастрюлю с супом... Неужели снова?

Нет. Совы не ругаются бранными словами.

Шум повторился, при этом я явственно различала мужские голоса. Очень странно и тревожно. Приподнялась на постели, сквозь старые занавески различив чьи-то силуэты. Ладони вспотели, сердце заколотилось в горле. Захотелось спрятаться под одеялом с головой. Возможно, я бы так и сделала, если бы не дети. Марэк и Амала крепко спали, и мне очень не хотелось их будить. Пришлось напомнить себе, что я уже взрослая, и подняться.

Быстро схватила со стула платье, натянула поверх ночной рубашки.

На балконе заскрипело, засвистело. Запахло магией.

Я шагнула к окну и отдернула занавеску. Прямо за стеклом обнаружилась упитанная рожа бородатого мужика в черной фуражке. На фуражке красовалась большая круглая бляха с изображением совы. Дознаватели из отдела магического учета, чтоб их! Да откуда?

Рожа приветливо улыбнулась. Я нахмурилась. Руки задрожали.

Отдел магического учета так запросто не уйдет. Если уж явились – то дело серьезное. Улизнуть от них почти невозможно.

И я, поколебавшись, открыла узкую балконную дверь.

Их было трое – и как только уместились на моем крохотном балкончике?

– Сударыня, что вы тут делаете? – спросил бородатый.

– Живу, – удивленно ответила я почти нормальным голосом.

– Давно?

– Четвертый месяц.

– Одна?

– С двумя детьми. Я вдова. А что случилось?

– Незаконное использование магии. Вы маг, сударыня?

– Ну да. Уровень третий, бытовой. Зарегистрирована, разумеется.

– Я могу войти?

– Я могу вам запретить?

Молодой человек в черном, что стоял за спиной у бородача, усмехнулся. Как будто отделу магического учета нужно мое дозволение! Но за вежливость спасибо. И за то, что они искренне старались не разбудить детей. Впрочем, и Марэк, и Амала все равно проснулись, но сидели тихо как мышки. Только глаза широко раскрыли и вцепились в одеяло. Бедные малыши, они видели куда более страшные вещи, чем трое спокойных и молчаливых людей в черном, которые быстро обследовали крошечную комнатку своими странными приборами.

– Уровень магии явно выше третьего, – процедил сквозь зубы невысокий носастый человек с каменным жезлом в руках. – Но, похоже, остаточный. Вы точно уверены, сударыня, что кроме вас и детей тут никого нет? Ваш муж? Любовник?

– Я честная вдова, господин дознаватель. И никого не вожу в дом, где живут мои дети. Но на чердаке надо мной несколько дней, как поселился студент. Он у меня обедает каждый день и иногда приходит помыться. Там, в мансарде, одна лишь кладовка, где никаких удобств.

– Студент, говорите? – нахмурился самый молодой из дознавателей. – Что же вы его пускаете, сударыня?

– Он мне платит за горячую еду. А деньги-то не лишние.

– Мы выйдем через вашу дверь на лестницу.

– Будьте так любезны.

– Натопали вам.

– Ничего, я уберу.

– Приносим извинения за беспокойство.

Ох, да убирайтесь уже! Студента мне, конечно, жалко. И денег, которые он платил за миску супа, тоже. Но дети волновались. Если Марэк еще держался, то Амала начала всхлипывать. Сейчас как заревет! Я подхватила малышку на руки и прижала к себе, шепча, что мама рядом, мама ее в обиду не даст. Не то, чтобы она толком понимала мои слова, но родной запах и ласковый голос ее немного успокоили.

К счастью, детская память очень гибкая. И четырехлетний Марэк, и полуторагодовалая Амала многое забыли из своего прошлого, хвала небесам!

Дознаватели, наконец, убрались, и я позволила себе выдохнуть.

– Дяди ушли, теперь будем завтракать, – пропела я, опуская девочку на постель. – Сейчас мама умоется и сварит вам каши. Марэк, присмотри за сестренкой. Скоро Катерина придет с вами играть.

– Кати, Кати! – обрадовались дети.

Я вздохнула украдкой. Юную няньку, малыши, кажется, любили больше меня, и неудивительно. Обычно я возвращалась с работы тогда, когда дети уже спали. Кати проводила с ними весь день.

Молодой вдове очень сложно выбиться в люди. Приходится работать сразу на трех работах. Днем я – подавальщица в таверне “Хромой петух”. Вечерами – уборщица в ратуше. А в свой законный выходной день у меня тоже найдутся дела: все же я какой-никакой, а бытовой маг. Уборка, стирка, мытье окон в больших особняках... Очень утомительно, но платят неплохо. Счет в банке меня радует.

В маленькой комнатке нет настоящей кровати, мы с детьми спим на тюфяке, набитом соломой, в углу. Я не боюсь, что Амала упадет и ушибется. Зато здесь есть крохотная уборная с современным водопроводом и печкой для нагрева воды в ванне. Окна небольшие, в них не особо и дует. Для южных провинций квартирка прекрасная, я очень рада, что мне удалось ее арендовать.

В Большеграде все не так, как на родном мне Севере. Другие люди, другие обычаи, даже дома другие.

В том же Устинске много доходных домов по три, даже четыре этажа. Снять приличную квартирку не сложно, выбор большой. Да и к работающим женщинам на Севере привыкли. В Большеграде на меня смотрели дикими глазами, не верили, пытались послать к местному князю за патентом. Насилу убедила хозяина “Хромого петуха”, что магичка в подавальщицах куда лучше, чем простая баба. За одну и ту же плату он получал еще и мелкую уборку: я и пролитую выпивку могла одним жестом убрать, и скатерть от пятен почистить. Сговорились, в общем.

С жильем еще хуже вышло. Делить маленький деревянный домик с какой-нибудь убогой старушкой мне резона не было. К тому же на Юге даже в большом городе отхожие места частенько бывали на улице. Тепло ведь. Снег недолго лежит, а если и ляжет – то не настолько суровы тут морозы, за несколько шагов в прыжке насмерть не околеешь. Я обегала весь город, прежде чем нашла что-то подходящее. Трехэтажный дом в центре, на первом этаже – большая лавка с пряниками и медом, по новомодному называемая “Кондитерской”. Несложно догадаться, что владели зданием северяне, они же и придумали третий этаж и чердак сдавать в

наем. Здание было новое, капитальное, построено основательно, по-северному. С водопроводом и даже отопительными водяными трубами.

С Севера я приехала с небольшими деньгами на первое время. Любопытствующим (а таких нашлось немало) терпеливо поясняла: продала дом, оставшийся в наследство от мужа, забрала детей и купила билеты на дилижанс. Не раскаялась ни на мгновение: Юг хоть и строг к женщинам, но вдов и сирот не обижает. Меня здесь жалели, а детишкам норовили подсунуть то петушка на палочке, то горячую еще булку, а то и пирог с визигой. Да и нянька нашлась быстро: двенадцатилетняя Катерина была слишком легкомысленна, чтобы помогать родителям в кондитерской лавке, а с детьми ладила отлично. Девочки здесь в школе учились недолго, особенно если сами не хотели, а замуж ей было пока рановато. Вот и сговорились мы с ней к всеобщему удовольствию.

И жизнь у меня вроде бы наладилась, и счет в банке радовал, и дети росли быстро, не болели пока. Славный Юг явно пошел на пользу маленьким хилым северянам.

Дознатели эти только так не вовремя появились, напугали меня до полусмерти. Хорошо еще, что меня растили в строгости, и я не показывала своих страхов посторонним. Только в уборной позволила себе сползти на пол и застучать зубами. Недолго, впрочем. Некогда мне было себя жалеть.

Глава 2. О политической ситуации

Каждый, кто узнавал, откуда я родом, тарашил глаза. Почему же я уехала на Юг, тогда как в Устинске мне в наследство остался вполне приличный домик? Да и работы для женщин на Севере было гораздо больше... Университеты лучшие – на Севере. Столица – на Севере. Север богаче, прогрессивнее, жизнь там течет быстрее и ярче.

А Юг, ну что Юг? Сюда даже отголоски случившейся трагедии докатились лишь эхом.

А между тем в Пригорске государев дворец горел. И восстание это... Много народу погибло, а сколько еще погибнет – страшно даже представить. Здесь же тишь и благодать. Розы на улице цветут. Обсуждают, конечно, но как-то вяло, без огонька.

Я со вздохом поднялась с пола. Умылась, переоделась в рабочее платье из тонкого хлопка, темно-серое с черным воротничком. Хорошо быть вдовой, мне нравилось. Можно не переживать из-за нарядов. Самое простое, самое скромное – вот что полагалось мне по статусу. И белая косынка еще.

– Госпожа Марта, что делается-то! – в комнате обнаружилась болтушка Катерина: румяная, веселая и сверкающая глазами. – Студента служба магического контроля взяла! Прямо так вот его скрутили и вниз по лестнице поволокли! Папеньку ругали, а папенька сказал, что это не его работа – за магами глядеть. Сами, говорит, не уследили, сами и виноваты.

Я усмехнулась. На господина Подгорного это очень было похоже. Как и все северяне он был молчалив и суров, но если на него кто-то нападал... Думаю, господа дознаватели крепко пожалели о неосторожных словах.

– А тот, который молодой, с одним только пером на кокарде, про вас выспрашивал. Дескать, кто такая, откуда приехала? Видно же, что не местная.

– И что папенька сказал?

– Да послал его куда подальше, – легкомысленно отмахнулась девчонка. – Сказал, что не его ума дело.

Я вздохнула. И не понять, что этому “с одним пером” надобно. К вниманию мужчин я привычная. Мне всего двадцать шесть, по местным меркам я вполне хороша собой: невысокая, светловолосая, скромного телосложения. Да еще вдова и магичка. Ну и пусть, что двое детей – это на Юге не являлось препятствием. Детей тут любили.

Хочется верить, что молодой дознаватель просто обратил внимание на красивую вдову, а не выдумал каких-нибудь глупостей.

– Кати, переодень Марэка и усади его на горшок, а я пока каши сварю. Ты будешь завтракать?

– С орехами? – с надеждой спросила девочка. – Буду, конечно! Матушка моя не так вкусно готовит. И отчего вы поварихой не пойдете, госпожа?

– Оттого, что кроме каши я и готовить толком не умею, – в очередной раз напомнила я.

Добавила бы еще, что и кашу варю не так, чтобы вкусно. Просто сахара побольше кладу, орехов да сушеных ягод горсть. А сама сегодня поесть и не успею, потому что пол еще нужно протереть. Натопали гости незваные. Не беда, в “Петухе” что-нибудь перехвачу.

Кухни, разумеется, в моей комнатке не было, зато имелась керосиновая горелка, на которую я водрузила подкопченный ковшик с молоком. Сыпанула черпак манной крупы, помешала длинной ложкой. Быстро и почти вкусно. Детям моя каша нравится. Разлила белую густую массу по щербатым деревянным тарелкам, щедро накидала сверху ягод и орехов, поставила на стол у окна. Передела в легкое платье Амалу, повязала ей салфетку на шею. Усадила на высокий стул, вручила ложку. Есть самостоятельно малышка еще не очень умела, но Катерина ей поможет. А Марэк был взрослым не по годам, он сам.

Пока дети стучали ложками и о чем-то болтали, я прошлась мокрой тряпкой по полу.

Странное сегодня выдалось утро, тревожное. Но физический труд приведет меня в разум. Ничего страшного не произошло, просто студент без патента магичил. Что-то продавал, наверное, а налоги не платил. Его в участке даже бить не будут. Поругают, штраф выпишут, на учет поставят и домой отправят. Такое часто бывает.

Да, это вам не Север.

– Суп на балконе в кастрюле. Дождь, наверное, будет, далеко гулять не ходите, – торопливо наставляла я няньку, обуваясь и подхватывая берестяную корзину. – Если что случится – знаешь, где меня искать.

– Конечно, госпожа. Идите спокойно.

Поцеловав две макушки – светлую и темную, я выбежала на лестницу. Опаздываю. Нужно торопиться.

– Доброго утречка, господин Подгорный. Славная нынче погода. Никак не привыкну, что лето такое длинное.

– И тебе здравствовать, Марта. Не говори-ка, дождю нынче рады будем. Устали от жары-то.

– Ваша Катерина – настоящее сокровище. Как же она мне помогает!

– Тебе благодарность, что дитяtko при деле.

Довольная собой и собеседником, я побежала дальше.

Погода и в самом деле стояла непривычно солнечная и теплая. На Севере уж середина осени, дожди, слякоть, а то и изморозь по ночам. Здесь же розы цветут, птички щебечут.

Непривычно и славно. Мы с Подгорным, как истинные северяне, ворчим, что устали от жары, но правда вся в том, что дождям да грязи тоже рады не будем. Пусть лето нас еще радует.

Улочки на Юге узкие, неровные, то вверх, то вниз. Мостовая вымощена мелким гранитом. На каблуках не побегаешь – ногу сломать можно запросто. У каждого крыльца то кошка, то собака, тут живности много, ее любят, кормят. Кошки не живут в домах, а преспокойно разгуливают по улицам. Мне это непривычно, но тоже нравится. Я всегда любила животных, в детстве из конюшни не вылезала. Вот накоплю на собственный дом – непременно котенка заведу. И собаку большую, чтобы двор охраняла.

Трактир “Хромой петух” находится в самом центре Большеграда, неподалеку от главной площади, в народе прозванной Фонтаном. Нетрудно догадаться, что напротив высокой башни с часами и краснокирпичного дома городского головы красуется большой круглый фонтан в виде большого каменного цветка, из которого стекают струи воды. Возле фонтана гуляют влюбленные, отдыхают мальчишки-газетчики с черными от типографской краски пальцами, тут же неподалеку болтают извозчики.

Юг просыпается рано.

А завтракать господу предпочитают в “Хромом петухе”, здесь подают кашу, блинчики и лучшие в городе пироги с ягодами.

Я влетела в трактир, кивнув хозяйке, и тут же побежала в кухню. Здесь стоял дым коромыслом: пеклись блины, доставались из печей румяные пироги, разливался травяной чай с запахом горького можжевельника и свежей мяты.

– Марта, надевай передник скорее! На большой стол четыре каши и миску с блинами!

Некогда болтать, нужно работать.

Я подхватила поднос и побежала. Ложки, миски, свежий хлеб с маслом. Большие керамические чашки с петухами – гордость таверны. Быстро, быстро, все столики заняты, подавальщицы сбиваются с ног.

Завтрак – самая важная трапеза на Юге. На голодный живот и работа не прет. По мне, так на сытый тем более, но меня ж не спрашивают...

– Поймали всех заговорщиков? – доносится от столика у окна. Я замедляю шаг, мне любопытно.

– Да где ж там! Говорят, вся аристократия в заговоре замешана. У Синегорских старшего княжича арестовали. У Снежных обоих сыновей. Доподлинно известно, Уховицкий, тот, что в гвардии служил, был застрелен при пожаре...

– Да что им надо-то было, окаянным? – невидимый собеседник в сердцах стукнул по столу кулаком. – На государя руку поднять как только посмели? Ох уж эти северяне, ничего святого у них нет.

Дальше мне услышать не удалось, но и этой малости хватило, чтобы закололо в груди. Стало быть, заговор. Весь цвет аристократии... Хорошо, что я уехала. На Севере очень неспокойно.

– Марта, на третий стол кофий и твoroжники. И скатерть почисти, у окна чашку опрокинули.

Я поспешила к буйному столику, приглядываясь к дородным хорошо одетым мужчинам. Никого не знаю, хотя краснолицый с седыми бакенбардами завтракает тут ежедневно и непременно за этим столом. Вся белая скатерть залита чаем, а господа все еще горячатся.

– А я говорю, мальчишку в заложники взяли! Если б убили – то давно б уже похоронили торжественно! А если б дома был, то непременно б на публику показали! Шутка ли – единственный наследник!

– Вот сразу видно, Фома, что у тебя детей нет. Мальчишке годков всего ничего, он, поди, в горячке со страху слег... или обгорел. Если б его украли, то полиция б на ушах стояла.

Я легким взмахом руки убрала влагу со скатерти. Покачнулась, стиснув зубы. Легкое головокружение всегда сопровождало такую вот стремительную магию.

– Проклятые северяне, чтоб их всех на площади повесили!

– Ну зачем же так расточительно. Они же все маги. На рудники их или на фабрики. Приковать и выжать до капельки.

Поднос оттягивал руки. Я прикусила язык – мое мнение никого не интересовало – и побежала дальше.

Приковать и выжать! Да, так магов-преступников и наказывали. Их редко казнили. Куда чаще заставляли работать до самой смерти. Не знаю, что хуже – смерть быстрая или вот такая, оттянутая на несколько лет. Бунтовщикам не позволят больше увидеться с родными. Их пища будет скудной, постель жесткой и холодной, но зато и болеть им не позволят. Они нужны живыми. Они ведь маги...

Утро пролетело стремительно. Спустя два часа Сусанна велела нам отдыхать, и мы без сил, мокрые насквозь упали на лавки. Плечи ломило, руки гудели.

– Вот, поешьте, – хозяйка поставила на стол чай и блюдо с пирогами. – Скоро обед уж. Марта, Феона, я вам горшок для деток собрала, потом с собой возьмете.

Мы вяло кивнули. Всего в “Хромом петухе” было три подавальщицы. Мы с Феонкой пришлые, а Анна – хозяйская племянница. Справедливости ради, между нами никакой разницы хозяева не делали, даже и напротив, нам с Феонкой всегда собирали остатки еды для детей. Суп или рагу овощное, или даже жаркое с мясом. Если оставались пироги или блины, то и их в узелок заворачивали.

Работа тяжелая, оплата невысокая, но зато кормят досыта и с собой дают. Я бы уже могла бы и уйти, благо с каждым днем клиентов на уборку и чистку становилось все больше: на Юге почти нет женщин, что владели бы бытовой магией в той степени, как я. Да и патенты местный князь выдавал, а он, судя по сплетням, был мужчина с придурью. Мог и не одобрить.

Однако рассуждала я так: пока есть силы и дети малы, нужно каждую монетку оплачивать. Марэк у меня магом уродился, ему позже учителей нанимать придется. Хорошо бы к тому времени твердо на ноги встать и собственное дело открыть. С Амалой проще – девочка пошла в отца. Обычная. Таким живется проще. Готовила я плохо, дело это не любила. Все равно пришлось бы где-то столоваться. А так я двух кроликов одним выстрелом убивала: и

деньги зарабатывала, и детей кормила вкусно и сытно. Еще и студенту вон оставалось, но студент вряд ли воротится.

Обед не такой суматошный, как завтрак. Публика та же, но б уже никуда не спешит, кушает основательно, медленно. Мы успеваем даже посплетничать.

– А что, в газетах не пишут – государь наш здоров? – спросила я Аннету.

– Наверде и здоров. Говорят, обгорел малеха. Жена его вряд ли оправится, да то и понятно. В детских пожар-то начался.

Я кивнула. Слышала об этом еще на Севере.

– Так ты ж с Устинска, – сообразила девица. – Нешто меньше меня знаешь?

– Мы люди темные, деревенские, – пробормотала я. – Читать-то меня и не учили. А что там люди баяли, кто знает – правда ли? Приврать-то все горазды. Вот в газетах истину пишут!

– Наверяд ли уж чистую истину, но уж и не врут внаглую, – кивнула Аннета. – Что же, ты совсем не знаешь ничего?

Вот пристала! Сама, впрочем, виновата. Нечего было разговор заводить. Но уж очень меня взволновала подслушанная беседа за завтраком.

– Я в ту пору дочкой занята была да мужа хоронила. Не до новостей было. Шутка ли – вдовой остаться!

– Ах, бедняжка! – тут же сжалилась девушка. – Вот уж не повезло тебе!

– А это как поглядеть. Муж мой сильно старше был, пил много. Во хмелю буйствовал, руки распускал. Несколько раз чуть меня не прибил. Да ладно б меня, он еще и детей своих не жалел.

О подобном я здесь рассказывала впервые, раньше молчала. Просто говорила, что вдова. Неудивительно, что и кухарки готовку побросали, и Сусанна наострила ушки.

– Так зачем ты за такого пошла-то? – удивилась наивная Аннетка.

– За кого тетка сказала, за того и пошла. Я ведь сирота, у меня кроме тетки и не было никого. Мне она говорила, что мужчина хороший, надежный. Что немолод – оно и славно, зато дом у него хороший, лавка своя. А вон оно как оказалось.

– А умер от чего? – приоткрыла рот Фенька. – Допился?

– Допился, – кивнула я. – Зимой упал в сугроб, да там и заснул. На Севере сугробы большие, только по весне и нашли его.

– Ну, хоть дом тебе достался...

– И то верно. За все слезы мои и страдания награда. Дом я продала и на Юг уехала. Сил моих не было там оставаться. Мне все казалось, что муж из могилы вылезет да под окна придет...

Тетки захохали, а я усмехнулась про себя. Жалостливая история не могла их не задеть. Здесь, на Юге, мужики тоже пить были горазды. В сугробах разве что не замерзали, не было здесь сугробов.

Глава 3. О любви

Я ушла перед ужином, нагруженная горшочками с супом. Дальше справятся без меня. “Хромой петух” – таверна продвинутая. Это завтраки и обеды суматошные, сытые и для всех желающий. Ужины тут совсем другие. Убирается несколько столов, приглушается свет. Бело-снежные скатерти, свежие цветы, фарфоровая посуда и хрустальные бокалы. Никаких вам деревянных мисок или глиняных чашек. Посетителя, который готов выложить за ужин немаленькие деньги, на входе встретит сам хозяин, выбритый, в лучшем своем костюме. Заказанные блюда принесет или сама Сусанна, или ее дочка, красавица Маркуша. Утром она не выходит в зал, отсыпается или гуляет по лавкам с подружками. А вечером в сарафане, серьгах и бусах степенно разносит чарки со злым вином или супницы.

Еду подают ту же самую, что в обед, но уже на красивых тарелках и щедро присыпаную зеленью. Чарку водки наливают бесплатно. Вечером в “Хромого петуха” приходят с дамами или деловыми беседами. Еда тут – лишь приятное дополнение.

Мне кажется, хозяин очень умный и здорово все придумал. Я внимательно наблюдаю за ним, не теряя надежды, что когда-нибудь и сама буду хозяйкой какой-нибудь лавки или трактира. А может, собственную прачечную открою, с моим магическим даром это возможно. Нужно только денег подкупить... Но сначала собственный дом. Может быть, даже с садом. Не из тех я людей, чтобы всю жизнь в прислуге ходить.

Большеград – город широкий, раскинувшийся привольно по холмам, но вся жизнь его в центре. На окраинах – дома да мастерские. Я же арендую квартиру так удачно, что все мои работы находятся в нескольких шагах. Много бегать не нужно. Я успеваю даже заглянуть домой и отдать Катерине горшок с супом. Обняв детей, спешу в ратушу, где уже окончен рабочий день важных господ-чиновников. Здесь пусто и темно, и никто не мешает мне творить магию. Мне свидетели не нужны.

В отделе магического учета я указала третий уровень дара, маленький, не слишком пригодный для работ. Но по-настоящему дар мой уже доходил до шестого, а может, и до седьмого рубежа. Но сказать об этом я никак не могла, потому что непременно начались бы расспросы: кто такая, откуда взялась? Одаренные простолюдины – большая редкость. Вся магия – у аристократии.

Магия – это всегда власть и деньги.

Уборка в ратуше не занимает много времени: убрать пыль, почистить полы, собрать в коробку найденные под столами бумаги, перья и скрепки. Я успеваю заглянуть в некоторые небрежно брошенные на столах записи.

Фрол Медник просит развода с женой. Уверяет, что у нее ноги холодные, спать с ней неприятно. Голова резонно отвечает, что жену согревать нужно. И приказывает выдать Меднику три пары шерстяных носков за счет казны.

Самуил Коржиков жалуется на птиц: нападают, таскают хлеб из подносов уличных продавальщиков, гадят на мостовую. Давеча утащили не меньше дюжины ватрушек. Голова настоятельно рекомендует завести пару молодых кошек и кормить продавальщиков, прежде чем отправлять их с подносами сдобы на улицу. А что до мостовой, то мыть ее должен сам Коржик.

Я невольно улыбнулась и исправила две помарки: мой дар и на такое способен. Была бы я сплетницей – кумушки меня бы обожали. Но мать всегда говорила, что пустые разговоры – признак небольшого ума. И вообще, язык может нанести раны страшнее кинжала.

Еще раз пробежавшись по лестницам и проверив, сверкают ли медные дверные ручки, я с довольством киваю. Работа выполнена хорошо, я могу быть спокойна. На столе у головы лежат три серебряные монеты, я беру из них одну – справедливая плата за мой труд. Жаль, что

банк уже закрыт. Впрочем, завтра у меня выходной, и я потрачу эту монету на теплые сапожки для детей. Осень скоро войдет в свои права.

Домой я возвращаюсь уже в темноте. Щедрое солнце уснуло, ветер, что гуляет по переулкам, отнюдь не так добр, как дневное светило. Я зябко ежусь, растирая плечи и думаю, что, пожалуй, нужно и себе теплое пальто приобрести. Снова расходы, расходы, расходы.

Когда-то все было по-другому. У меня были лучшие наряды, добрая семья, верные друзья. Наверное, если постараться, все это можно вернуть. Но я не могла предать детей. Это просто невозможно.

Я всегда любила и умела считать деньги. Жизнь подавальщицы или простой прачки меня совершенно не устраивала, поэтому я придумала план, как выбиться в люди.

На Юге женщина работает не часто, а уж практикующих магесс и вовсе по пальцам пересчитать можно. Местные дамы торопятся выйти замуж и нарожать побольше детишек. Ничего плохого в этом нет, я и сама раньше мечтала о том же.

Мои услуги пользуются спросом. Конкуренсток на бытовую магию нет.

Мужчины никогда не захотят чистить одежду или занавески, им нужен масштаб. Я же собиралась накопить денег и открыть собственную прачечную. Небольшую, возможно даже на дому. Нанять двух рукодельниц, чтобы штопали прорехи, сама же буду убирать пятна и дурные запахи. Платья из дорогих тканей не стирают, только чистят щетками. Да и зимний плащ не так-то просто привести в порядок. Уверена, клиенты найдутся.

Пока же у меня хватало сил на простой и тяжелый труд. Четыре месяца я на Юге. По моим подсчетам еще столько же – и можно будет купить небольшой домик.

Я вернулась в свое скромное жилище. Дети были накормлены и уложены спать. Катерина тихонько читала книгу возле окна.

– Зрение испортишь, – привычно шикнула я на нее.

– Тут фонарь, светло как днем, – возразила девочка, неуклюже пряча маленький томик в юбках.

– Что читаешь?

– Да так... ничего.

– Покажи. Я не мамка, ругать не буду. Обещаю.

Девочка неохотно показала мне заголовок: “Записки леди Мадьяр”. Гадость редкостная, которую и взрослым-то в руки брать не следует.

– Где ты это взяла?

– У подружки.

– Отдай обратно. Почитай лучше “Тайну лорда Строббели” или “Замок с призраками”. Или хотя бы “Приключения Аглаи и Маноны”. Тебе понравится.

– А там про любовь есть?

Я вздохнула.

– Есть. Хорошие добрые книги. А про любовь... “Рыцарь и пастушка” еще есть.

– А откуда вы знаете? Вы же вдова. Из черных горожан. Говорили, что и читать не умеете.

– Я в хороших домах служила, – выкрутилась я. – Всякие разговоры слышала. Вот про “Леди Мадьяр” дурно говорили. Дай мне книгу, пусть у меня полегит. Не стоит такое юным девочкам читать.

Нехотя Катерина отдала мне книжку. Я бросила ее на подоконник.

Какая ей любовь, ничего хорошего в той любви нет. Лучше пусть о чести девичьей думает. А без мужа, кстати, жизнь спокойнее и тише.

– Завтра у тебя выходной, помнишь?

– Да. Мы с матушкой на ярмарку осеннюю пойдем. А вы?

– И я пойду, пожалуй. Детям обувь нужна, а мне теплый плащ. Ночью ветер холодный.

– Тогда увидимся завтра, – весело пискнула Катерина и ускакала прочь.

Я опустила на тюфяк, обхватив руками колени. Устала. Нет, магия дается мне довольно просто. Я не делала ничего такого, что перегрузило бы резерв. Но эта постоянная гонка... Должна бы уже привыкнуть, но почему-то с каждым днем становилось все сложнее.

Во-первых, я не рассчитала, что дети быстро растут. Если ботинки, штанишки и рубашки Марэка можно было надеть на Амалу, то мальчишке срочно нужны были новые вещи. Да и девочке хочется купить платье. Пусть не новое – но подходящее по размеру.

Во-вторых, Катарина меня очень выручает, но вечно пользоваться ее помощью не выйдет, она тоже устает и порой не слишком внимательна. Не так давно Амала ссадила коленку, а Марэк порвал почти новые штаны. И это я им в парк на пруд строго запретила ходить. Знаю я этих малышей – только отвернешься, а они уже ныряют. Сама такой была.

В-третьих, госпожа Шанская обещала рассказать обо мне подругам. Я славно потрудилась на прошлой неделе в ее доме, почистив все стены и потолки – и потом целый день не могла даже пошевелиться от отката. Сама виновата, польстилась на быстрые деньги. Покупка своего дома, конечно, стала немного ближе, да и в «Петухе» отнеслись к моему прогулу с пониманием, но больше на такую масштабную уборку я не соглашусь. Мало, что сил много ушло, так теперь еще и дознавателей бояться буду. Оштрафуют меня – и моя цель отодвинется еще на пару месяцев.

А ведь если все получится, то из «Петуха» придется увольняться. И прощайте тогда бесплатные обеды! Зато с детьми больше времени проведу.

Тяжело вздохнув, я принялась раздеваться. Нужно еще умыться холодной водой, почистить зубы, переплести волосы. Матушка пришла бы в ужас, меня увидев. Я совсем перестала за собой ухаживать. Ни кремов у меня нет, ни притираний, ни даже цветочной мыльной воды. Я уж молчу про артефакты. Только брусок серого и вонючего мыла и старая мягкая тряпка вместо белоснежного пушистого полотенца.

Ничего, я справлюсь. Меня учили быть сильной.

Уснула я сразу, как только голова коснулась подушки. И проснулась лишь от того, что Амала облизывала мои волосы, а Марэк сосредоточенно пытался разжечь горелку. Умные детки и, видимо, голодные. Хорошо еще, что сын не слишком умеет пользоваться магией. Он природник, может ненароком и огонь зажечь.

Пришлось подниматься, переодевать всех, варить постылую кашу. Молоко закончилось, сама я позавтракала вчерашним супом. Вполне съедобно, особенно если не ужинать.

– Сегодня мы идем на ярмарку, – с фальшивой радостью объявила я. – Покупать вам ботинки.

Марэк что-то булькнул. Он разговаривал очень плохо – после некоторых событий, произошедших в его короткой жизни. Амала и вовсе могла сказать лишь несколько слов – мама, Мак – то есть Марэк, Кати... Иногда еще “киса” – малышка обожала животных. По лицам детей я поняла, что они понятия не имеют, что такое ярмарка. Но гулять пойдут с удовольствием, разумеется. Недалеко и ненадолго.

Привычное серое платье, белая косынка, широкий кожаный ремень с прикрепленным на нем кошельком, в котором сиротливо бряцают несколько медяков и две серебряные монеты. Высокие ботинки на шнуровке, прочные и легкие – память о прошлой жизни на Севере. Ни украшений, ни артефактов, ни даже кружевного воротничка, все это будет потом. Сейчас каждая монетка дорога.

– Дети, пора идти, – я с сожалением посмотрела на штопаные штаны сына и дочь в явных обносках. Жаль, шить умею плохо. Училась когда-то... Но ни иглолка, ни нитей у меня нет, да и когда? Ночью спать хочется, и без того платье болтается на мне как на пугале огородном, а ведь когда-то сидело ладно, в размер. Сейчас только ремень и спасает.

Шутка ли – ежедневная работа с магией!

Взяв на руки дочь, я толкнула дверь бедром и вывалилась на лестницу.

– Марэк, держи меня за юбку. Вот так, осторожно, смотри под ноги!

Спустились хоть и не быстро, но зато без происшествий. Вышли на улицу. По уму следовало бы взять извозчика – с маленькими детьми дорога была не самой близкой. Но я пожалела денег, за что себя начала ругать уже через пару кварталов, когда Амала заныла и попросилась на ручки. Марэк упрямо топал рядом со мной. Наверное, он тоже устал, но он же маленький мужчина!

К рыночной площади мы подошли красные, злые и потные. У меня ломило спину, я тяжело дышала. Амала вертелась и выскальзывала из рук.

– Мама, яблоко! – потребовал громко Марэк, ткнув пальцем в сторону фруктового прилавка.

Я закатила глаза. На яблоки денег у меня не было. Ну, разве что одно мне продадут. Два – Амала тоже захочет, хотя и есть не будет. Обреченно коснувшись пустого кошель, я опустила дочь на землю и крепко взяла ее за руку. Терпеть не могу все эти торги, но детям нужна новая обувь.

Глава 4. О торговле

– Почем яблоки, любезный? – спросила я бородатого торговца.

– Семь медяков за ведро, красавица.

– Две штуки для детишек за сколько отдашь? – Мне было немного стыдно, потому что я уже хорошо изучила южан. Детям – все самое лучшее.

– Какие славные малыши! – широко улыбнулся торговец. Внимательно оглядел меня с ног до головы, замечая и поношенное платье, и вдовый платок, кивнул:

– Бери даром сколько унести сможешь, госпожа. Не стесняйся, и в карман положи тоже.

Опустив глаза и тихо поблагодарив щедрого человека, я выбрала несколько не самых красивых яблок. Марэк же смело цапнул с прилавка самое большое и красное и тут же впился в него зубами. Амала взвизгнула и топнула ножкой. Я дала ей фрукт поменьше и увела поскорее, зная – сейчас надкушенное яблоко полетит в сторону. Не полетело, к счастью. Скривив мордочку, она протянула его мне. Однако научилась вести себя прилично, взрослеет, наверное! Я съела его с косточками – очень вкусно.

Спустя четверть часа блужданий по площади, мы отыскали прилавок сапожника. Я долго и отчаянно торговалась, рассказывая, что сама вдова, и дети сироты, а растут так быстро, что денег никаких не напасешься. Сапожник скинул мне вдвое, и я довольная повернула к выходу, но глаз зацепился за лавку готового платья.

Нет, ну куда мне! Детям уж обедать пора. Устали они. Я не пойду! Разве что загляну одним глазочком, нет ли для Амалы чего-то подходящего...

Шипение портного на девчонку-подмастерье я услышала не сразу, ослепленная роскошью кружев и великолепием ярких тканей. Эта лавка мне точно не по карману, тут шерсть, и мягкая кожа, и бархат, и набивные ситцы. Но девочка тихо плакала, и я не удержалась (проклятое северное воспитание!).

– Что натворила твоя работница, хозяин? Зачем ругаешься?

– Да эта криворукая на кружева кувшин кваса опрокинула. Теперь стирать надо, да срочно, не то в негодность придет.

– А ну покажи!

Тот пожал плечами и ткнул пальцем в стопку некогда белоснежных пелерин, какие были нынче в моде на Севере. Я даже плетение узнала – мануфактура Брикса. Не самое дорогое кружево, довольно толстое и жесткое, к тому же со станка, но на Юге такого не делают. Издалека ведь везли, берегли в дороге. Хорошо, что хозяин девчонку не поколотил, она заслужила.

Развернула верхнюю пелерину, досадливо цокнула языком, взглянула на перепуганную девчонку.

– Дочь твоя?

– Да нет, сиротка. Взял в дом на свою голову. А эта дура криворукая... эх!

– И что теперь, выгонишь ее?

Высокий худой мужчина удивленно поглядел на меня и покачал головой.

– Куда ж я ее выгоню? На улицу, что ли? Отработает.

Его слова окончательно убедили меня.

– Я маг-бытовик. Могу помочь. Не задаром, конечно. Моей дочери... Амала? Да где она? Стоило лишь отпустить маленькую ручонку, как это егоза куда-то пропала!

– Марэк? – в панике схватила я за плечо сына.

Он зевнул и лаконично ткнул пальцем в глубину лавки. Амала увлеченно копалась в ящике с лентами. Я схватила ее в охапку, вырывая из грязных пальчиков алую ленту. Почистила быстрым жестом и сунула в руки оторопевшего хозяина. Разумеется, малышка тут же разразилась воем громче пожарного колокола.

– Тришка, присмотри за маленькой, – бросил хозяин, немедленно впихнув ленту обратно в руки Амалы. – Подарок вам, барышня, а кричать не надо больше. Говоришь, бытовичка?

– Она самая.

– Что за работу хочешь?

– Да немного. Платье бы хоть какое на дочку. Согласна и на ношенное уже.

Мужчина прищурился и кивнул.

– Найду тебе платье. А ты уж почисти кружево, красавица, сделай милость.

Раньше я понять не могла, зачем нужна бытовая магия. Ведь все то, что я делала, мог сделать и обычный человек – руками, тряпками, мылом. Но сейчас я была собой довольна, лучшей магии и не пожелаешь!

Пока я скрупулезно очищала пелерины, хозяин куда-то сбежал и принес два теплых платья на Амалу, как я и хотела: серые, самые простые, с деревянными пуговицами. А еще большую деревянную чашку с горячим сбитнем и три теплые еще ватрушки. От еды я отказываться не стала, магия забрала немало сил.

– А ну ка, госпожа, выпрямись, – скомандовал хозяин, когда я отложила в сторону последнюю пелерину. Я уже и сама была готова самыми последними словами отругать криворукую сиротку, но воспитание не позволяло. Попробуй-ка каждую ниточку высуши! Работа тонкая, кропотливая, куда сложнее, чем просто окна помыть или пыль убрать даже и в бальной зале. Продешевила я. Нужно было деньги просить. Но что уж, слово обратно не вернешь.

– Я закончила.

– Вижу, вижу.

Хозяин покопался в ворохе кружева, вытащил одну накидку, поглядел на свет... и накинул мне на плечи. Расправил складки, завязал ленты.

– Спасла ты меня, госпожа бытовичка. Это тебе, не отказывайся от подарка. И детишкам твоим узелок собрал.

– Да что ты, господин, дорогая же вещь! – запротестовала я, теребя ленты. Расставаться с обновкой не хотелось, но честное слово, лучше бы деньгами!

– А то ж. Тут у меня их много. И все пришлось бы чистить. Славная работа. Как тебя зовут-то?

– Марта Плетнева.

– Вдова, я вижу?

– Вдова.

– Ну, коли работу ищешь, так ко мне приходи. А то и... замуж, небось, не желаешь пока? Я засмеялась от неожиданности.

– Ну уж нет, господин! Несладко мне замужем было. Супруг и пил, и лупил почему зря. Больше я в это дело не полезу.

– Эх, а славная из тебя жена бы вышла. Детки опять же красивые. Ну, если надумаешь, то я хоть завтра жениться готов. Поликарп Лучевой я, на улице Осенней лавка. Запомни.

Я кивнула, подхватив под мышку узел с одеждой, накинула на шею связанные веревкой детские ботинки и взяла за руку присмиривших детей.

– Благодарствую, добрый человек. Я не забуду.

Осенняя улица – это вообще где? На окраине, наверное, я про такую и не слышала. А пелерина славная. Раньше б я не надела такое, но теперь рада была, словно мне платье из салона госпожи Дюваль подарили.

– Я устал, – на выходе с площади заявил Марэк и демонстративно уселся на землю. Амала поглядела на него и сморщила нос. Сейчас заплачет – из солидарности.

Присела рядом с сыном, заглянула ему в лицо.

– Маленький мой, мы до угла только дойдем, а там извозчики будут. У мамы немного денежек осталось, поедем на бричке, хорошо?

– Нет, – мотнул головой маленький упрямец. – Карету хочу. С кучером.

Я тяжело вздохнула – ну что за барские замашки?

– Карет на Юге нету, малыш. Есть брички. Колеса большие, сиденья мягкие, а? Пойдем, выберем самую красивую лошадь.

– Я с кучером поеду.

– Послушай, малыш, – я медленно начала закипать и повышать голос. – Нам давно пора домой. Амале спать нужно. Нужно слушаться маму.

– Ты не мама, ты ведьма!

Глубоко вздохнув, я набрала в грудь воздуха и...

– Нужна помощь, госпожа?

Я оглянулась и с растерянностью уставилась на молодого мужчину в синей шелковой рубаше, широких штанах и красных сапогах. Экий селезень! Никак не могу привыкнуть к ярким нарядам южных горожан!

– У меня бричка, куда вас отвезти?

– Не утруждайтесь, господин. Мы сами дойдем.

– Глупости. Жара стоит, дети устали. Мне не сложно помочь.

Я заколебалась. Может, и согласиться? Да нет, это вне всяких правил приличия. Я же этого мужчину и не знаю.

– Егор, душечка, кто у тебя тут? – Рядом с нами остановился ландолет госпожи Шанской.

– Марта? Душенька, что же у тебя сынок на травке сидит?

– Я устал, – громко заявил Марэк, а Амала, поглядев на него, плюхнулась рядом и злобно прищурилась.

– Так полезайте ко мне, – тут же радушно предложила одна из самых богатых дам Большеграда. – Довезу вас куда пожелаете. Только вот ведь беда...

Я, уже открывшая рот, чтобы согласиться, замерла.

– ... молодой человек испачкался в траве. Придется ему сесть рядом с кучером!

Милейшая женщина, я сразу же полюбила ее всем сердцем!

– Премного благодарна, госпожа Шанская. С удовольствием воспользуюсь вашим предложением.

– Я согласен! – вскочил на ноги Марэк.

Мужчина в синей рубаше посмотрел на меня с укоризной и покачал головой. Ну, милейший, вы не сравнивайте! Вас я в первый раз вижу... наверное. А в доме Береники Шанской уже несколько раз работала.

– Гор, ну что ты стоишь как вкопанный! – громко фыркнула пожилая дама. – Помоги барышне подняться в ландолет! Да не этой, болван, а младшей!

Молодой человек, который протянул мне руку, тихо засмеялся.

– Виноват, тетушка. Но у меня же две руки! Я могу подать их обеим барышням!

Я поднялась с колен, ухватившись за твердую мужскую руку и попыталась подхватить Амалу, но незнакомый мне Гор успел первым. Подхватив девочку, он буквально закинул ее на мягкое сиденье из вишневой кожи. Марэк с ловкостью обезьянки вскарабкался на скамейку рядом с кучером. И куда только делась его усталость!

– Я сама, – неодобрительно покосилась на Гора я.

И без труда запрыгнула в ландолет.

– Это мой племянник, сын брата мужа, – зашебетала госпожа Шанская, бесцеремонно ткнув кучера длинным зонтиком в спину. – В кондитерскую Подгорных, любезный, да не гоните лошадь. Весьма приятный молодой человек, вы не находите? Подает большие надежды.

– Вот как? – рассеянно откликнулась я, крепко прижимая к себе ерзающую Амалу.

– Да. У него неплохой магический дар, и служить Егор решил по полицейской линии, как и его отец, и дед, и прадед.

Я кивнула, тут же решив, что не зря этот мужчина мне сразу не понравился. Нет, я ничего не имею против полиции... Но и дружить с ними не собираюсь!

– Спасибо вам, Береника Силовна, вы меня очень выручили. Марэк заупрямился...

– Ну что ты, дорогуша, у меня четверо детей и дюжина внуков. Я все прекрасно понимаю.

Кстати, помнишь наш последний разговор?

– Про прачечную? – закивала я.

– Да. Что ты скажешь, если я... кхм... помогу тебе с этим?

– Но как? – осторожно спросила я.

– Дам денег, – прямо сказала Шанская. – Долевое участие. Половина прибыли моя. У меня есть аптечная лавка в Лавровом переулке, была, точнее. Сейчас там пусто. Для прачечной места хватит, нужно лишь водопровод провести, но с этим я поспособствую. Итак, я представлю тебе помещение и помогу с клиентами. А ты возьмешь на себя основную работу.

Я задумалась. Заманчиво, конечно, но отдавать половину прибыли? А с другой стороны – если она приведет ко мне своих подруг... Я гораздо быстрее встану на ноги.

– Мне нужно будет выправлять патент, – задумчиво пробормотала я. – Дорого.

– И ехать к князю Озерову, – согласилась Шанская. – Но зато помещение бесплатно. С водопроводом.

– Лавровый переулок – это где?

– Недалеко от Фонтана. Два квартала и в подворотню. Двор глухой, есть где ландолет развернуть.

– Отчего же там аптека закрылась? – любопытствовала я, зная, что супруг госпожи Шанской – владелец трех аптек и двух табачных лавок. – Если рядом с центром и подъезд хороший?

– Маленькие окна, места мало, – пожалала круглыми плечами моя благодетельница. – Тесновато стало для аптеки. Витрины новые, светлые не поставить. К тому же там рядом цирюльня открылась. Стригут, бреют, зубы лечат. Совсем другая публика ходит.

– Для начала я бы взглянула на вашу лавку, – решила я. – Если понравится мне, то будем дальше сговариваться.

Шанская хитро прищурилась и расплылась в довольной улыбке.

– А ты ведь обманщица, Марта Плетнева.

– В каком это смысле? – обмерла я.

– Говорила, что вдова неграмотная, а сама, вижу, куда умнее, чем притворялась.

– На Юге не любят умных женщин, – тихо сказала я, пряча глаза. – Скажи я, что получила неплохое образование – разве взяли бы меня в “Петуха” подавальщицей? А у меня детки малые, их кормить и одевать нужно.

– Не юли, ты молодец. Дурой прикинуться не каждая сумеет. А красивой и молодой дурочке куда больше веры, чем свободной умной женщине. Все верно ты придумала. Сначала прачечная своя, потом, глядишь, и мужа найдешь хорошего да послушного. Мальчишке твоему мужская рука не помешает.

Я промолчала; к тому же мы уже и приехали к моему дому. Замуж точно я не рвусь, ничего там хорошего нет. И мужчинам не доверяю, они лгуны и предатели.

Глава 5. О лгуне и предателе

Дети, утомленные прогулкой по ярмарке и поездкой в роскошном ландолете, уснули почти сразу. Я же меряла шагами комнатную и раздумывала об открывшихся перспективах.

Раз шаг, два шаг, три шаг, окно. Нужно сходить и взглянуть на этот Лавровый переулок. Раз, два, три, стена. Даже если я дам согласие, Шанская обещала ремонт и водопровод. Это не быстро, у меня будет время подкопить еще денег. Раз, два, три, окно. Месяц-два, может, и три. Зима будет. Зимой найдутся ли клиенты? Раз-два-три-стена. А что я теряю? Разорвать соглашение можно в любой день, не привяжет же меня Береника Силовна к корыту и гладильной доске? Зато времени не в пример больше останется, а что до денег... Нужно сесть и посчитать.

В дверь тихонько поскреблись, я открыла. На лестнице обнаружилась Катерина – в новеньком лиловом платье и точно такой же пелеринке, как у меня.

– Госпожа Плетнева, матушка вас с детками сегодня на ужин зовет, – шмыгнула носом девочка. – День-то праздничный.

– А какой нынче праздник? – удивилась я.

– Так Раждество. Дальше осень настанет, день короче станет.

– М-м-м... на Севере мы и не праздновали никогда.

– Да как же так? – удивилась Катерина. – Принято же урожаем делиться, вдовам и сиротам помогать. А вы ведь это самое... Ой, какая славная у вас накидочка. У дяди Поликарпа купили, да?

Неуклюжая попытка девочки перевести разговор не сработала. На миг я почувствовала себя уязвленной, но вовремя вспомнила северную поговорку: надел заячью шкуру – так беги от волка. Ну да, и вдова, и сироты, и все сразу. Не сказала бы, что мне помощь нужна, но и отказываться не с руки. Во-первых, подозрительно это, а во-вторых, Подгорные мне нравились. С удовольствием с ними поужинаю.

– Кати, а ты занята сейчас? – вкрадчиво спросила я.

– Неа. А что, присмотреть за маленькими?

– Спят они и еще час точно спать будут. Я в одно место сбегая и быстро вернусь, хорошо?

– Ой, бегите, конечно, мне же и лучше. Матушка меня пироги печь не заставит. Я пока книжку читаю. Вот, в книжной лавке купила!

И она гордо продемонстрировала мне томик “Рыцаря и пастушки”. Я быстро надела ботинки, завязала белую косынку и побежала вниз по лестнице.

Так, где там этот Лавровый переулок? Нужно к главной площади выйти, там есть указатели. Я так спешила, что не замечала никого вокруг. Ну что ж, на Юге улицы широкие, просторные, никого не сшибла с ног, и хорошо.

– Тиль! – раздался мужской оклик за спиной.

Я вздрогнула. Нет, это не меня зовут. Я Марта. Марта Плетнева.

– Тиль! Матильда?

Не оглядываться, не оглядываться! Я очень тороплюсь..

– Матильда, подожди! – меня бесцеремонно ухватили за рукав, разворачивая. С мрачной обреченностью я взирала на виновника всех моих неприятностей.

Вот уж кого я больше не хотела бы встретить! Мой бывший жених.

Княжич Асур Синегорский.

И откуда только взялся на мою голову? Почему именно сейчас, когда все начинало налаживаться?

– Господин, вы ошиблись, – пропищала я, горбясь и пряча глаза. – Меня зовут Марта.

– Так, – протянул княжич, щелкая пальцами. – Любопытно. Марта, говоришь?

– Марта Плетнева, вдова, господин. Я могу идти?

– Да, конечно, Марта... Извини, я обознался.

Я ему не верила. Я хорошо знала этого человека. Я когда-то его любила. Он упрямый и дотошный. Он мне подыграл, но вряд ли поверил. В конце концов, мы выросли вместе, мы были добрыми друзьями... пока он не променял меня на какую-то простолюдинку. И теперь я совершенно не знала, чего от него ждать. Не то он разыщет меня, чтобы выяснить, что произошло, не то вернется к жене и забудет о случайной встрече. И я даже не знаю, как для меня будет лучше.

При том, что расстались мы с Асуром нехорошо, я ему могла доверять. Он не из тех, кто за спиной может донести. Возможно, он поможет. В конце концов, он и сам когда-то пошел против семьи и уехал с родного Севера, отказавшись и от положения своего, и от родительских денег. Не в его интересах меня выдавать.

А с другой стороны – зачем ему все это нужно? Да и мне лицезреть человека, растоптавшего мои чувства, никакого удовольствия не доставит. Лучше б он шел по своим делам, а в мои не лез!

Впрочем, знаю я этих северных княжичей. Они воспитаны по-старинке, им в головы с детства вбивают принципы рыцарства. Нельзя оставить даму в беде. Так что надеясь на лучшее, все же стоит ожидать Синегорского в гости в ближайшие дни. Вот же дура, сама ему имя назвала! Найти меня теперь будет не слишком сложно, достаточно в ратуше спросить. Там мигом на меня пальцем покажут.

Весь восторг от разговора с Шанской пропал. Словно я сдулась, разом ощутив усталость и разочарование в жизни. Ну прачечная, ну своя лавка. Что в этом такого? Все равно как раньше уже не будет. Стоит ли вообще в это лезть? Может, нужно было затаиться и потерпеть?

Лавровый переулок оказался и вправду хорош. С двух сторон высокие стены богатых домов. Небольшой пяточок каменной мостовой, два куста роз, старый колодец и вывеска “Стригу и брею”. Вряд ли у местного цирюльника много клиентов, но мне он никак не мешает. Я побродила по дворику, заглянула в окна приземистого серого здания (ничего не увидела, конечно), потрогала добротную дверь.

– Подстричься аль зуб удалить не желаете, барышня? – выглянул из раскрытого окна мой будущий сосед – приятный на вид старичок с роскошными усами.

– Да нет, – засмеялась я. – Здесь ведь раньше аптека была?

– Года три как закрылась. Половина дома пустует. Я хотел выкупить, но господин Шанский не продал.

– А что же, водопровода тут нет?

– Да откуда? Это через Брусничную улицу тянуть нужно, у меня и денег таких нет. Точно не желаете зуб удалить?

– Ну уж нет. Я лучше к целителю схожу, – хихикнула я. – Спасибо, дяденька.

Что ж, двор хороший, место тихое. Дом хоть и небольшой, а каменный, и крыша вроде не худая. Мне нравится. Еще бы внутрь заглянуть, но все равно ведь ремонт нужен. Пожалуй, я соглашусь на заманчивое предложение.

Если мне княжич Синегорский все карты не спутает.

Ужин у Подгорных, которому я так радовалась, тянулся бесконечно и кисло, словно пресное тесто. Марэк и Амала вели себя идеально: хорошо кушали, благосклонно принимали комплименты, с удовольствием играли старыми куклами Катарины.

– Нынче на Севере страх как беспокойно, – вещал Осип Подгорный, подкручивая жиденькие усы. – Говорят, княжичи хотели государя свергнуть. Республику захотели, как в Стригале. Что вы думаете об этом, Марта?

– Ничего не думаю, – честно отвечала я, потому как заботили меня сегодня совершенно другие материи. – Глупо все это. Плохо подготовились наши... ваши княжичи.

– Мер-р-рзавцы! – стукнул кулаком по столу Подгорный. – Бомбу во дворце взорвать – это разве республика? Это разве честно?

Амала вдруг заревела, и я бросилась ее успокаивать. Елена Подгорная шикнула на покрасневшего мужа.

– Простите, – виновато опустила глаза я. – Отец Амалы... он выпить любил. Кричал громко, мог ударить. Девочка вроде и забыла его, но громких звуков пугается.

– Старый дурак, напугал ребенка! – буркнула Елена, забирая всхлипывающую малышку. – О политике с дружками своими спорь, а нам это неинтересно. Ох, какие славные у вас детки, Марта. Только разные совсем.

– Марэк в отца пошел, – не задумываясь, ответила я. – А Амала, стало быть, в мать.

– Красавицей будет, – вздохнула Подгорная. – А у меня вон одна Катька, и та непутевая совсем. Жаль, я детишек люблю, но небеса мне не подарили большого счастья. Теперь только внуков ждать. Что же вы, Марта, еще деток не хотите?

Я поперхнулась пряником:

– Так я же вдова.

– Разве это беда? На Юге столько славных женихов! Вот у моей троюродной сестры сын овдовел по зиме. Родами и жена, и младенец померли. А что, может, познакомить вас? У него и дом свой.

– Не нужно, – быстро отказалась я. – Я больше замуж не хочу, мне хватило.

– Ну это вы зря, женщине одной тяжело. Такая молодая, хорошенькая да трудолюбивая – каждый счастлив такой жене будет. А что дети есть, так и хорошо, значит – не бесплодная. Так я позову племянника в гости?

– Нет-нет. Ну разве что к зиме ближе. Дайте мне немного времени, Елена. Я меньше года вдовею. Неприлично это – замуж так рано выскакать.

Мой довод оказался убедительным, и Подгорная милостиво согласилась, что я, конечно же, права. Ах, подобная скромность – редкость для молодежи! А я подумала, что если все пойдет по плану, то к зиме меня тут уже и не будет. Хоть сотню племянников приглашай, мне-то что с того?

– Пора мне, – поднялась я, забирая у хозяйки крепко уснувшую Амалу. – День такой утомительный, а завтра поутру на работу снова бежать. Спасибо вам за доброту и ласку, пусть в вашем доме будет мир и достаток.

– Гостинцы возьмите с собой и не спорьте даже. Это для деток.

Я и не спорила. На это силы нужны, а у меня их уже не было совершенно.

Княжич явился поздно вечером, почти ночью. Мужчина – к одинокой вдове, между прочим. Какой пассаж! Я открыла дверь, приложив палец к губам.

– Что тебе нужно? – спросила с нескрываемой неприязнью.

– Поговорить.

– Зачем? Мне не о чем с тобой разговаривать.

– Тиль, я не ожидал тебя увидеть на Юге. К тому же в таком плачевном виде.

– Я тоже не ожидала тебя увидеть на Юге в таком плачевном виде. Княжич Синегорский – и простой городской лекарь, кто бы мог подумать!

Сказала и прикусила язык, понимая, что выдала себя с головой. Я прекрасно знала, где он и с кем.

– Я пройду? – шепотом спросил Асур.

– Нет. Мне не нужна помощь. Мне не нужны пустые разговоры. Я собиралась ложиться спать, утром на работу.

– Твои родители знают, где ты? – он лукаво улыбнулся, склонив голову на бок, и я, закатив глаза, посторонилась. Упрямый!

Что ж, мне приятно было посмотреть, как вытянулось его лицо, когда он увидел спящих детей.

– Это кто? – сдавленно шепнул он.

– Мои дети.

– Врешь!

– С чего ты взял?

– Мальчику... ну, лет пять на вид.

– Четыре с половиной.

– Четыре с половиной года назад ты была не замужем.

– А что, дети только в законном браке рождаются? – вскинула я брови. – Почему тебе знать, может, я родила тайно и долго скрывала свой грех?

– погоди, ты говорила, что недавно овдовела?

– Да.

– Кто был твой муж?

– Шорник.

– Да как такое может быть? Ты рехнулась? погоди, это его дети? Не твои?

Он схватил меня за руку, крепко сжал запястье и нахмурился. Я невольно затаила дыхание, залюбовалась. Шесть лет назад, когда я считала себя его невестой, Асур был еще мальчишкой. Высокий, худой, нескладный, с непослушными черными волосами и живыми карими глазами. Сейчас же передо мной был молодой мужчина, широкоплечий и весьма привлекательный. Он не сильно поправился, но и на нескладного щенка гончей уже похож не был.

Я вдруг смутилась. Он так близко, держит меня за руку... И он – единственный мужчина, кого я способна была представить рядом с собой.

– А жена знает, что ты пошел на ночь глядя к бывшей невесте?

– Конечно. У меня нет от нее секретов.

– И что, она спокойно тебя отпустила?

Он отступил на шаг, обошел меня и выглянул в окно зачем-то. Потер шею, усмехнулся.

– Нет, не спокойно. Но отпустила. Вон она, ждет на улице.

Я тоже выглянула в окно, обнаружила прогуливающуюся по улице молодую даму в широком платье и тяжело вздохнула.

– Чьи это дети, Тиль?

– Меня зовут Марта Плетнева, я вдова, и это мои дети.

– Ты девственница.

– Что? – зашипела я. – Да откуда? Ах ты... вот зачем ты хватал меня за руки!

– Я же лекарь, Тиль. Ты никогда не была с мужчиной. Ты не рожала. Почему ты обманываешь меня?

Я скрестила руки на груди и насупилась.

– И что, любой лекарь может это все узнать?

– Разумеется.

– Если я планирую получить патент на открытие собственной прачечной, мне ведь придется пройти освидетельствование.

– Да.

– А кроме лекаря кто-то может узнать... ну...

– Что ты не была с мужчиной? Да, конечно. Ты же учила теорию магии. После... ммм... интимных отношений резерв восстанавливается почти мгновенно. И магический фон становится куда стабильнее.

– А если я скажу, что муж давно умер, а я веду праведный образ жизни?

– Давно – это лет десять назад? – с насмешкой уточнил Асур, нервно щелкая пальцами. – Учитывая, что у тебя двое маленьких детей, никто в это не поверит. О чем ты вообще думала?

– Думала, что заплачу кому надо, – хмуро ответила я. – На Севере это не так уж и сложно. Никто меня и не спросил бы про детей.

– На Юге так не выйдет. Здесь все друг друга знают.

Мы посмотрели друг другу в глаза и одновременно отвернулись. Глупо как получилось!

– Чьи это дети, Тиль? И от кого ты прячешься под платьем прачки?

– Это не твое дело, княжич. Ты мне давно уже не жених, – с обидой пробормотала я, прекрасно зная: он не отстанет. Я бы и сама не отстала на его месте.

– Но друзьями мы быть не перестали? – тихо спросил мужчина, и я не сдержалась.

– Иди ты в задницу, благодетель! Какие мы друзья, что ты несешь? Ты отказался жениться, хотя о нашей свадьбе велись разговоры с детства! Ты меня предал, бросил, сбежав и даже не подумав, каково было мне! Меня все считали в чем-то виноватой! Бабушка даже лекаря вызывала и требовала, чтобы он засвидетельствовал мою невинность, ведь не мог же княжич Синегорский просто так разорвать все договоренности!

– Тиль, но я не давал согласия, – растерянно развел руками Асур. – Родители втянули нас в это... А я полюбил другую. Прости.

– Он полюбил, вы посмотрите! А я? Ты спросил, кого люблю я?

– И кого же?

– Тебя, дурак! Я с детства была в тебя влюблена! Я мечтала стать твоей женой!

Асур выдохнул и устало потер лицо. Мне на миг даже стало его жаль. Но правда была в том, что именно он во всем был виноват. Если бы не разорванная помолвка, я бы не влезла во всю эту дрянь по самые уши.

– Как я могу тебе помочь?

– Уйти побыстрее и больше никогда не появляться в моей жизни!

– Хорошо, я понял. Прости, Тиль, то есть Марта. Я... прости меня.

Неужели все так просто? Я не верила своим ушам! Он уйдет – и ничего не поймет? Радость-то какая! Пусть уезжает в свой Буйск (да, я знала, где он поселился) вместе с женой. Мне не нужна ничья помощь. Я и сама прекрасно справляюсь.

– Обещай больше не приходить.

– Да, я понял. Обещаю.

Я молча наблюдала в окно, как княжич Синегорский вышел на улицу – прямо под фонарь, как его ревнивым жестом подхватила под руку супруга. Неприятное открытие – госпожа Синегорская, кажется, была в положении. Сомневаюсь, что такая хрупкая барышня просто много ест. Скрипнув зубами, я задернула занавеску.

Обидно? Наверное, нет. В моей жизни столько всего случилось, что я давно забыла этого человека. И если бы он не повстречался вновь на моем пути, то я бы нисколько и не страдала. Но сейчас воспоминания нахлынули волной. Я была тогда юна, беззаботна и очень счастлива. Я могла бы быть на месте этой, конечно же, неприятной особы. Но увы, я сидела на стуле возле постели и мрачно разглядывала спокойные лица чужих детей. И Марэка, и Амалу я, конечно, полюбила всем сердцем. Но моей крови в них не было ни капли.

К тому же появилась еще одна проблема, о которой я даже помыслить не могла. Мне нужно будет или отказываться от патента, или... или искать любовника.

Глава 6. Об усталости

Я снова проспала. Встреча с бывшим женихом совершенно выбила меня из колеи, и уснула я, кажется, под утро. Проснулась же от настойчивого стука в дверь и воплей Катерины. Вскочила, оглядываясь, распахнула дверь – в одной только ночной сорочке.

– Уже девять?

– Десятый час, госпожа.

– Кошмар!

Не умывшись, не накормив детей, заплетая на ходу косу, я бежала по улице, про себя ругая последними словами княжича. Это все он виноват. Споткнулась, упала, больно ушибив коленку. Какой-то мужчина помог мне подняться, усадил на лавочку. Молодая бонна с двумя прехорошенькими чистенькими детьми напоила меня водой и ласково успокаивала. Предлагала разыскать лекаря – вдруг я сломала себе что-нибудь, но я содрогнулась, представив себе, что она приведет какого-нибудь Асура, перед которым придется обнажать ноги. Ничего, справлюсь. Пятно на юбке я убрала сама. Больше бежать никуда не хотелось.

Утро было прекрасным. По высокому голубому небу плыли кудрявые облака, ласково журчали струи большого фонтана, одуряюще пахли последние розы. Было довольно зябко – осень уже вступала в свои права. На мостовой шебуршали маленькие золотые листочки. Невольно вспомнилось, как в детстве, да что там – несколько лет назад – я любила гулять по газонам, шурша листвой. А в родительском доме и вовсе частенько падала прямо в высокую золотистую кучу. Как играла с братьями в торговую лавку и расплачивалась резными монетами. Как сидела на окне и слушала песню дождя, водя пальцами по стеклу.

Я ведь очень любила раннюю осень!

А в этом году едва ее замечала, лишь радуясь, что солнце все еще согревает город, и мне не нужно пальто.

Я страшно устала бегать от себя самой и от обстоятельств, но боялась остановиться. Тогда ведь станет понятно, каких глупостей я натворила.

За каким бесом меня понесло на Юг? Почему я не вернулась к родителям? Ответ не так прост, как кажется на первый взгляд. С одной стороны, меня душила обида за то, что всю мою жизнь они прочили мне в мужа Асура. Я настолько привыкла к этой мысли, что и представить кого-то другого рядом не могла. В мыслях я спала рядом с ним, я рожала ему детей, я в старости сидела возле камина и неторопливо с ним беседовала. Я видела свое будущее лишь в нем. Его отказ от помолвки стал для меня чертовски разрушительным. Разумеется, злость и разочарование я сорвала на родителях. Впервые в жизни я орала, как базарная торговка. Это не делает мне чести, но тогда мне стало легче.

Я уехала из дома в столицу, потому что хотела все забыть.

Но была и еще одна причина: мои старшие братья. Они, вне всякого сомнения, принимали самое деятельное участие в организации восстания. И в замке родителей, конечно, не раз и не два побывали дознаватели. Там мне было бы не спрятаться.

Поэтому я убежала с детьми на Юг, но и здесь судьба меня настигла. Не очень-то я умею притворяться простолюдинкой. Воспитание, образование, магический дар – все это выдает меня с головой.

Мимо пробежала смешная кудрявая собачонка, ткнулась мне в колени. Я невольно погладила пушистые уши: когда-то и у меня была такая живая игрушка. Нужно было подниматься и идти в таверну, но я не могла себя заставить.

Как же я устала!

Устала вставать по утрам. Устала голодать. Устала притворяться. Устала носить ужасные серые платья и отвратительный вдовый платок. Устала от детей – чего уж себе врать-то! Они

милые, славные, я их, безусловно, люблю, но ответственность за их жизнь и здоровье лежит на моих плечах, словно мельничный жернов. А еще – чувство вины. Плохая из меня получилась мать. Я так мало уделяла им внимания! Я не читала им сказок, не водила в парк кормить уток. Не покупала игрушек, не спрашивала, как прошел их день. С Марэком пора начинать занятия по магии – уже случаются спонтанные выбросы. Амала не умеет толком разговаривать. Все это – моя забота. Больше у них никого нет.

– Госпожа Марта Плетнева? – раздался женский голос над моей головой.

Я медленно подняла глаза, разглядывая пеструю юбку, белую сорочку с расшитыми рукавами и цветастую шаль на плечах незнакомки. Какая она... не южная. Глаза светлые, почти прозрачные, волосы рыжеватые, с золотыми прядями. Миленькое личико сердечком, тонкие плечи и довольно выдающийся живот, который никак не скрывала одежда.

– Госпожа Синегорская? – мрачно пробормотала я. – Что вам нужно?

– Ну, мой супруг дал слово, что не станет лезть в вашу жизнь, а я ничего не обещала, поэтому стану. Меня мучают угрызения совести, знаете ли.

– Напрасно, – вяло ответила я. – Вы тут ни при чем. Решение он принимал самостоятельно. И, насколько я помню последовательность событий, наш последний разговор состоялся еще до встречи с вами.

Просторечные слова облетели как шелуха, я мигом стала той, кем была до всех этих неприятных событий: княжной Матильдой Снежиной. Речь поменялась, невольно выпрямилась спина, на губах заиграла снисходительная улыбка. Перед этой женщиной я должна выглядеть настоящей леди.

– Об этом я и хотела поговорить. Слушайте, Марта, как насчет позавтракать где-нибудь наедине, а? Я ждала вас в “Хромом петухе”, но вы не пришли на работу.

– Ах, да. Видите ли, я упала и расшибла колено. А потом решила, что больше не хочу работать подавальщицей.

– Даже так? – удивилась моя удачливая соперница, протягивая мне на удивление крепкую руку с коротко стриженными ногтями и шрамами от ожогов на пальцах. – И что будете делать дальше?

– Открою свою прачечную на паях с госпожой Шанской. Я, знаете ли, неплохой маг-бытовик.

Разговаривать с кем-то начистоту, не скрываясь и не путаясь во лжи, оказалось на удивление приятно.

– Полагаю, в “Петуха” мы не пойдем. Куда посоветуете?

– В булочную, – не задумываясь, ответила я. – Там ватрушки – просто объедение. И чаю нальют травяного. Рядом есть лавочка, в такое время никого постороннего не болтается поблизости.

– Что ж, доверюсь вам. Ведите.

Словно закадычные подруги, мы медленно поплелись в сторону Цветочной улицы. Колено болело, нога подкашивалась, поэтому я ковыляла с ощутимым трудом. Нужно все же сходить к целителю. А Синегорская шагала медленно и важно, как и рекомендовалось дамам в деликатном положении.

В неловком молчании мы дошли до булочной, купили по большой ватрушке, попросили чаю, пообещав вернуть деревянные кружки, и уселись на лавочку под высоким кленом.

– Обожаю осень, – неожиданно поведала Синегорская. – И кленовые листья, они как звезды.

– На Севере, должно быть, дожди и грязь, – поддержала я светскую беседу.

– Марта, а чьи это дети? Я тут немного подумала... и мне все это очень не нравится. Надеюсь, что я ошибаюсь.

– Я честная вдова. Это дети моего покойного супруга.

– Насчет девочки даже спорить не буду. Понятия не имею, откуда вы ее взяли. А вот мальчик...

– Высказывайте свои предположения, госпожа Синегорская, – мне было любопытно, докопалась ли она до истины, в общем-то, лежащей на поверхности.

– Называйте меня Миланой. Какая я вам госпожа? Итак, слушайте. Вы невинны. Вы уехали с Севера примерно пять месяцев назад, да? И не одна, с двумя детьми. Вы были фрейлиной молодой государыни последние несколько лет. Мне Асур так сказал. Что же получается: в столице восстание, взрыв в государевом дворце, государыня при смерти, а ее малолетний сын Мариус и вовсе пропал. И тут появляетесь вы: бывшая фрейлина, девственница с мальчиком лет четырех-пяти.

– Да что вы, право, заладили – девственница, девственница! – с досадой поморщилась я. – Как будто это так уж важно!

– Очень важно, Марта. Вы не мать этих детей и даже не вдова. Вы и женой-то ничьей не были. И у вас, как я полагаю, тот самый наследник государев. Вы – участница заговора? Похитили ребенка и скрываетесь? Но для чего бунтовщикам наследник? Шантаж? Не думаю. Государь еще довольно молод. Возьмет новую супругу, нарожает еще наследников. Возможно, он привязан к своему сыну, но это вовсе не повод идти на какие-то уступки.

– Звучит, конечно, любопытно, – усмехнулась я, с аппетитом доедая ватрушку и потирая занывшее колено. – Но тут есть некоторые неувязки. К примеру, детей-то двое. И если уж я связана с заговорщиками, зачем нужно работать в таверне с утра до ночи? Уж подельники смогли бы обеспечить мне некоторый комфорт.

– Верно, – кивнула Синегорская. – Так откуда у вас второй ребенок? И каким образом княжна Матильда Снежина стала вдруг вдовой Мартой Плетневой?

Глава 7. О лжи

Пять месяцев назад

Я проснулась от ужасного шума. В первый момент мне показалось, что стены рушатся, что пол шатается подо мной. Вскочила, закашлялась от клубов пыли и черного дыма. Снова раздался грохот, гудение, истошные, полные животного ужаса крики. И выстрелы – словно в дворцовом парке шла охота.

Взрыв – четко поняла я.

По стене спальни растекалась большая трещина, люстра угрожающе шаталась. В разбитое окно врвался ветер и дым. Я спаслась только потому, что спала в алькове – постель моя находилась в нише толстой, капитальной стены. Меня даже не задело осколками стекол.

Стекла! Если бежать босиком, то можно порезать ноги, нужна обувь. Паники не было, страха тоже. Мысли были по-военному четкие. Найти ботинки, натянуть их. Накинуть на плечи халат. Подождать, пока немного рассеется пыль и дым. Потом – бежать внутрь, к государыне.

Вот уже четвертый год я служу во дворце фрейлиной молодой государыни Елизаппы. Когда наш государь изволил жениться во второй раз, я как раз переживала разрыв помолвки. Происхождение у меня самое подходящее, внешность вполне привлекательная, возраст не критичный – я подала прошение через отца, и меня пригласили во дворец. Государыне, которая оказалась на сносях (наш правитель, по-видимому, изволил жениться на своей фаворитке после того, как целители твердо убедили его, что она ждет именно сына), я понравилась. Мне она тоже была симпатична: молодая, очень хорошенькая, мягкая и застенчивая. Такая не станет яркой политической фигурой, что, без сомнения, очень радует государевых прихвостней. Зато она легко родила сына, чего ее предшественница сделать не смогла, и стала прекрасной и ласковой матерью. Каждому свое, как говорится.

В коридорах дворца царила суматоха. Кричали люди, остро пахло порохом и металлом. Дважды я видела мертвых людей, но старалась не вглядываться в их лица. Мои покои были совсем недалеко от спальни Елизаппы. Я как-то сразу поняла, что основной удар пришелся именно на женскую часть дворца, и это было... подло. Кому могла помешать кроткая государыня и ее маленький сын?

Дыша через рукав, кашляя, я ворвалась в спальню Елизаппы и поняла: опоздала. Здесь пылал балахон на постели, тлели обои, окно было выворочено. Сама государыня нашлась под обломками стены без чувств, и мне не удалось бы ее откопать. Тут нужны мужские руки.

– Ваше величество, ваше величество, – я тщетно пыталась ее разбудить. – Кто-нибудь, сюда!

Государыня вдруг широко открыла темные глаза и улыбнулась. Эта ласковая улыбка на бескровном лице напугала меня больше, чем все происходящее.

– Святая Елизавета, – шепнула она. – Я звала тебя, и ты пришла.

– Ваше величество...

– Спаси моего сына, молю! Если я умру, никто не будет плакать. Но если они убьют Мариуса, то все рухнет.

– Где он?

– Я спрятала его в шкафу, как только услышала выстрелы.

Она снова потеряла сознание. Кашляя и рыдая, я распахнула шкаф. Мальчишка и в самом деле был там – весь белый и трясущийся. Черные глаза смотрели с ужасом. Он меня узнал. Я подхватила его на руки – увесистый – и заметалась по комнате. Куда бежать? За окном снова крики и выстрелы. В коридорах – огонь и раненые слуги. Нужно унести наследника из дворца, так будет безопаснее. Я выбежала в коридор, нырнула в узкий и низкий проход для слуг. Фрейлины должны были знать все ходы, которые пронизывали старый дворец, как дырки

– кусок сыра. Свернула в сторону кухонь. Сбежала по боковой лестнице в винный погреб и выбралась через слуховое окно. Почему меня никто не остановил? Чудо, я полагаю.

Я неплохо знала Пригорск, там жили мои братья. К старшему я и побежала, в святой наивности даже не догадываясь, что он замешан в бунте по самые уши.

К чести Ратмира, он меня не выдал. Не знаю, что значил для их планов наследник, но я для него оказалась важнее. Он дал мне денег и отправил к знакомому, который умел решать подобные проблемы. И еще сказал, что даже знать не хочет, что я буду делать дальше: восстание провалилось, государю удалось ускользнуть от возмездия; часть заговорщиков была убита, остальных станут искать по всему Северу. Если брата возьмут – а это вопрос времени – неизвестно, что он скажет дознавателям под пытками. И лучше б мне увезти наследника подальше, так безопаснее всего. Ребенок может стать разменной монетой в этом конфликте.

Уже позже я поняла, что Ратмир мне солгал. Мне вообще не стоило уезжать. Нужно было бежать с наследником в полицию или, что еще лучше, в дом господина Туманова, человека, отвечавшего за безопасность столицы. Но я поверила брату – он не мог желать мне зла! И на Юг меня гнал отнюдь не разум, а страх и растерянность.

Я взяла деньги и ребенка и отправилась... нет, не к его знакомому. Мне очень повезло: я шла мимо кладбища и услышала болтовню горожанок. Им не было дела до восстания, важнее то, что Иоганн Шорник угорел по пьяни и прихватил с собой жену и сына, а маленькую дочку удалось спасти. Решение пришло само собой, будто свыше – и я отправилась напрямик в полицейский участок. Представилась сестрой того самого Шорника, пожелала забрать осиротевшую племянницу... и украла со стола полицейского документы. К знакомому брата пришла уже не Матильда Снежина, а Марта Плетнева – и за некоторое пожертвование в пользу коллеги стряпчих она стала вдовой, благо, свидетельство о смерти мужа у нее имелось.

Ну а билет на дилижанс я купила самостоятельно.

Разумеется, если бы меня искали всерьез, то нашли бы уже давно. Но в столице творилась такая неразбериха, что никому не было дела до пропавшей фрейлины. Возможно, мои родители и пытались что-то разузнать, но у них были связаны руки. Оба брата арестованы, фамильный замок наверняка перевернули не один раз...

Словом, я выжидала и следила за новостями через газеты.

И выживала как умела, а умела я многое. Шестой уровень – это далеко не пустяк. Раньше я считала, что бытовики – самые бесполезные из магов, но теперь убедилась в обратном. Работы для меня нашлось – непочатый край.

И, конечно, мне невероятно везло все это время. Меня не обокрали по дороге, не убили, дети не болели. Мариус замкнулся в себе и постоянно молчал, никак меня не выдав, ну а маленькая Амала и вовсе назвала меня мамой через две недели. Не уверена, что она вообще что-то понимала.

Разумеется, ничего этого я рассказывать не стала. Если Асура я неплохо знала и все равно не могла ему довериться, то Милану вовсе видела впервые в жизни. Жаль, что врать я умела не очень хорошо, но все же попыталась:

– Ваши фантазии очень занимательны, госпожа Синегорская. Кстати, вы знаете, что Асур княжич только номинально? Лишить титула отец его не может, а вот наследства – запросто. Ваш ребенок, – я кивнула на живот Миланы, – родится простолюдином. Так вот, о детях: оба мои брата в числе заговорщиков. Я же была рядом с государыней в тот страшный день и нисколько не пострадала. Нетрудно догадаться, что у дознавателей было бы ко мне немало вопросов. Поэтому я подделала документы и убежала на Юг. Дети же – действительно дети Марты Плетневой. Сама же Марта, увы, покоится в безымянной могиле и уже никому ничего не расскажет.

– Я не понимаю, зачем вам чужие дети, – покачала головой Милана. – Можно было просто назваться вдовой.

– Я молода и довольно привлекательна. Женихов бы набежало... А мне это зачем? Желających взять в жены вдову с детьми, конечно, тоже хватает... Тут я не подумала, что на Юге к этому относятся проще. Но все же мне так спокойнее. К тому же куда мне было их деть – в сиротский дом? Боюсь, у чиновников возникли бы некоторые вопросы.

– Оставить где-то по дороге? – неуверенно предположила Милана.

– Вы бы так и поступили, верно? И Асур, разумеется, тоже, – кивнула я. – Надеюсь, я удовлетворила ваше любопытство. Всего хорошего, мне пора.

– Вы злитесь на меня? – внезапно спросила эта женщина.

– С чего вы решили?

– Я забрала вашего жениха...

– Мой жених – не теленок на привязи, чтобы его можно было увести. Он принимал решение сам. Вы тут ни при чем.

Разумеется, я на нее злилась не меньше, чем на княжича Синегорского, но сообщать об этом не собиралась. Зачем? В моих же интересах, чтобы эти двое побыстрее убралась в свой Буйск, или где они там сейчас живут? Да, я пока не знаю, что делать с наследником, но рано или поздно все уладится. Государь наведет порядок железной рукой, и тогда я вернусь домой и отдам ему сына.

Поднявшись и не обращая внимания на недовольное лицо новой знакомой, я похромала прочь, только за углом позволив себе опереться на каменную стену дома и тихонько заскулить. Похоже, я ушиблась сильнее, чем показалось вначале. Нога горела огнем.

– Милостивый человек, найди извозчика, – обратилась я к первому же прохожему. – Или тут целитель поблизости имеется? Я, кажется, ногу сломала.

Прохожий покачал головой и развел руками, бросив мне, что очень торопится. Но если увидит извозчика – всенепременно. Я едва не заплакала. Вот ведь... южане!

– Госпожа, что с вами? Вы в порядке? – ко мне неожиданно подошел давешний племянник леди Шанской. Он был в черной форме магического дознавателя, и я вдруг вспомнила, где встречала его раньше. Ну конечно, он был один из той группы, приходившей за студентом и натапавший у меня в комнате! Вот тебе и племянничек...

Но сейчас я была ему рада. Как же его зовут? Кажется, Гор.

– Господин Гор, если вы найдете мне извозчика, я буду премного благодарна.

– Что случилось? – в голосе молодого человека прозвучало неподдельное беспокойство.

– Вам дурно?

– Я упала и сильно ушибла ногу.

– Вам нужно к целителю, я вас доведу. Донесу... Довезу! Подождите, я сбегаю за экипажем.

– Не стоит беспокоиться, вы же на службе.

– Не могу же я вас тут бросить! Вот что, идти сможете?

– Не уверена, – покачала я головой, опасаясь даже наступать на ногу.

Он сделал длинный шаг и подхватил меня на руки, довольно бережно и аккуратно. Я не успела и испугаться, как была опущена на скамью возле фонтана.

– Сидите тут. Я мигом.

Пришлось сидеть – уйти-то вряд ли получится! Хотелось, конечно, задрать юбку и поглядеть на злосчастное колено, но это было совершенно неприлично. Надо же, какой внимательный у госпожи Шанской племянник! Впрочем, ничего удивительного. Он же видел, что я близкая знакомая его тетки. Пройти мимо было совершенно невежливо. Правда, на руках носить меня было совершенно необязательно.

Какая ирония: вчера я отказалась сесть в его экипаж, а сегодня готова была плакать от радости.

Через несколько минут дознаватель и вправду вернулся – и стоило признать: экипаж у него был недурственный. Двухместный фаэтон с большими колесами и бархатными сиденьями. Интересно, какое же жалование у дознавателей? Ах да, госпожа Шанская говорила, что ее племянник из хорошей семьи.

– Зачем вам такой роскошный экипаж? – полюбопытствовала я, когда меня осторожно опустили на мягкое сиденье. – Не слишком ли расточительно?

– Чтобы возить прекрасных дам, разумеется, – усмехнулся ничуть не смутившийся мужчина. – Как видите, пригодился.

Он ловко запрыгнул на место извозчика и дернул поводьями. Мы быстро покатались по мостовой.

– Я отвезу вас к знакомому лекарю, и не возражайте.

С тоской подумав, во сколько обойдется мне моя неловкость, я кивнула, а потом, сообразив, что он меня не видит, подтвердила:

– Будьте так любезны.

– Вы больше не работаете в “Хромом петухе”? Я вас сегодня не видел.

– Нет, я... решила уволиться.

– Тетушка сказала, что вы – отличный бытовой маг.

Я закатила глаза и промолчала. Конечно, они меня уже обсудили. Впрочем, для южан это было совершенно неудивительно.

Глава 8. О мужчинах вокруг

Милейший племянник (и коварный дознаватель) Гор и вправду привез меня к дому лекаря. Не Асура, как я опасалась, хотя и знала, что бывший жених живет в другом городе, а сюда приехал, скорее всего, на традиционную осеннюю ярмарку. В Большеград вообще со всего юга на ярмарку съезжаются, и с Севера, кстати, тоже, но не в этом году. В этом году дороги перекрыты, везде патрули усиленные.

Лекарь был, конечно, полицейский и уже на пенсии, но меня это ничуть не смутило.

Гор на руках внес меня в приемный кабинет и целомудренно удалился в коридор. Что ж, за нынешний день меня носили больше, чем за всю предыдущую жизнь.

Ветхий старичок с козлиной бородкой сообщил мне, что он, вообще-то, обычно осматривает покойников, но мне даже рад: я теплая и вполне миленькая. Я заверила его, что рада не меньше. А еще ему выпал редкий шанс заглянуть мне под юбку.

– Ай-яй-яй, – пробормотал старичок, потрогав серебряной палочкой колено, по которому разлился великолепный бордовый кровоподтек. – Ай-яй-яй!

– Перелом? – обреченно спросила я, с ужасом отворачиваясь.

– Трещина в коленной чашечке. Сейчас починим, сударыня. Погодите, я принесу лед. Будет неприятно, но быстро.

Я кивнула и прикусила губу. Сломанные руки мне в детстве пару раз сращивали. Что меня ждет, я вполне представляла. И приложенный мешочек со льдом мне совершенно не помог. Я не смогла удержать негромкий стон, когда ногу словно обожгло кипятком.

– Терпите, сударыня, терпите. Вы ведь вдова?

– Ага. У-у-ух!

– Детки есть?

– Да, двое.

– Неужели вот это страшнее, чем роды?

Я вытаращила на него глаза и даже засмеялась.

– Роды – это другое. Там человек на свет появляется.

– Роды куда опаснее и дольше. Ну вот и все. Сейчас я наложу тугую повязку, пару дней лучше полежите, а если куда-то нужно выйти – то только с палочкой. Где там ваш кавалер? Эй, Гор, мы закончили!

– Сколько с меня, доктор? – Я потянулась за кошельком, но Гор меня опередил:

– Я заплачу сам, госпожа.

– Простите, но я вынуждена настаивать. Вы мне не отец, не брат и не муж. Это верх неприличия.

– Любезная Марта, мы с доктором – старые друзья. Не извольте беспокоиться, расплачиваться я буду уж точно не деньгами, а какой-нибудь услугой.

– Ну, если услугой... – нерешительно пробормотала я. Лишних денег у меня не было, а теперь, когда я приняла решение уволиться из “Петуха”, не будет еще долго. И все же ситуация мне не нравится. По моему скромному опыту, молодой и вполне привлекательный мужчина ни за что не будет так рассыпаться перед дамой, если не имеет на нее видов.

А я с мужчинами дел иметь не желала ни при каких обстоятельствах.

– Куда вас отвезти?

– Домой, если не трудно. Тут недалеко, на Белой улице.

– Да-да, я помню. Был у вас в гостях не так уж и давно.

– Точно, – смущенно улыбнулась я. – Кстати, что натворил студент?

– Обычное дело, баловался запретными артефактами на удачу. Продавал в университете. Целый склад у него на чердаке был.

– Разве это плохо?

– О, сударыня, вы знаете, как работают артефакты на удачу, особенно самодельные?

– Нет.

– Сначала их владельцу невероятно везет во всем – и на экзамене, и в азартных играх.

Он находит на улице деньги, дальняя тетка оставляет ему наследство, кирпич с крыши падает в двух шагах... Даже если в него выстрелят в упор, случится осечка или пуля срикошетит от латунной пуговицы. Но потом действие амулета заканчивается и приходит расплата.

Голос у дознавателя был таким таинственным, что я не утерпела:

– Какая же?

– Ужасное невезение. Бедняга притягивает неприятности.

– Тот самый кирпич?

– В самых запущенных случаях именно этим и заканчивается. К слову, умереть очень легко. Можно упасть под копыта коня, встретить пьяного дебошира, даже просто – споткнуться, упасть и сломать шею.

– Выходит, мне сегодня повезло. Я отделалась лишь трещиной в колене, и ту добрый доктор уже вылечил.

– Не пользуйтесь незнакомыми артефактами, сударыня, – серьезно оглянулся на меня Гор. – Это может очень плохо закончиться.

– Не буду, – пообещала я.

– Мы приехали. Вы ведь живете на третьем этаже? Пожалуй, я помогу вам дойти.

– Не стоит, – быстро сказала я. – Вы и так много сделали. На работе не влетит?

– Влетит, – по-мальчишечьи ухмыльнулся Гор. – Но я как-нибудь переживу.

Я внимательно на него посмотрела и решила, что он, пожалуй, даже симпатичный. Высокий, подтянутый, с очень короткими черными волосами и выразительными глазами. И улыбка хорошая, добрая. Среди южан встречаются настоящие красавцы. Этого эталоном не назовешь – нос длинноват, подбородок слишком тяжел. Лицо узкое. Но и не урод. Обычный приятный молодой мужчина. Удивленная этим открытием – я, оказывается, начала обращать внимание на простолудинов? – кивнула на прощание и скрылась за тяжелыми дверями. Нога почти не болела, но повязка немного мешала. Кое-как доковыляв до третьего этажа, уже на лестнице услышала вой Амалы. И что на этот раз?

В комнате было дымно. Взъерошенная и красная Катерина раскрыла широко окна и размахивала тряпкой. Амала сидела в углу и ревела, Марэка нигде не было видно. На постели тлео одеяло, стены покрыты копотью.

– Ваш сын, госпожа, – выдохнула нервно Катерина, с грохотом захлопывая окно, – только что поджег постель! А все потому, что не хотел одеваться! Я закрыла его в уборной, там гореть нечего. А почему вы здесь?

С тяжелым вздохом я подхватила на руку плачущую Амалу, а потом осторожно постучалась в дверь уборной.

– Марэк, я вернулась.

Молчание.

– Я больше не буду так много работать. Мы все вместе сейчас читаем книжку, а потом пойдем в парк кормить уток и собирать букет из листьев. Я куплю вам петушка на палочке.

– Зря вы его так балуете, госпожа. Маленький паршивец не первый раз уже кидается огнем, но обычно в стену. И не слишком сильно. А сегодня он целился в меня!

– Он маг, – вздохнула я. – Нужно будет купить ограничительный артефакт и начать обучение.

Придется идти в банк. Если бы я знала, что дети – такое дорогое удовольствие, то ни за что не ввязалась бы в эту историю! Я ведь была младшей в семье и никогда не имела дела с младенцами. Я знала, что их нужно кормить и одевать, но и предположить не могла, что детские

вещи порой дороже, чем взрослые, а на еду уходит такая куча денег! И вот снова расходы. Артефакты, обучение. Новое одеяло, это придется выбросить.

Нервным жестом я убрала сажу со стены и разогнала остатки дыма. Привычная магия немного меня успокоила.

– Марэк, выходи. Я не сержусь. И ругаться не буду.

– Пусть она уйдет.

Я выразительно поглядела на Катерину, та пожала плечами и буркнула:

– Да не больно и хотелось.

– погоди, – вспомнила я. – Ты можешь добежать до «Хромого петуха» и передать Сусанне, что я сломала ногу и не буду больше работать?

Девочка выразительно вздернула брови и с сомнением поглядела на меня.

– Я была у лекаря, – торопливо пояснила. – Он срстил перелом, но велел какое-то время отдыхать, а на улицу ходить с тростью.

– И как же вы собирались идти в парк? – укоризненно покачала головой Катерина. – Конечно, я схожу. И у вас суп кончился.

С тяжким вздохом я опустила на постель и вытянула ногу. Да что за день-то такой? Неужели, как сказал Гор, я исчерпала свое везение, и теперь меня будут преследовать неприятности? Но я ведь не пользовалась никакими амулетами!

Едва за Катериной закрылась дверь, Марэк вышел из уборной. Виновато на меня поглядев, он лег рядом и уткнулся лбом в мой бок.

Я не справляюсь. Я плохая мать. Я понятия не имею, как растить детей, тем более – наследников престола. Мариус – ребенок непростой. Понятно, что сильный маг, но дело не только в этом. Ему же еще и манеры нужны, и науки. А я вот – подавальщица в таверне. Но если учить чему-то Марэка, то и Амалу тоже. Пусть она дочь пьяницы, но и моя воспитанница тоже. При дворе, может, ей и не светит ничего, но даже если я вернусь домой, то ее заберу с собой.

Нужно больше денег.

Я тяжело вздохнула и погладила мальчика по голове. Амала тут же прильнула с другой стороны. Я обняла и ее.

С детства мне внушали: если за что-то взялась, делай это хорошо или не делай никак. Говорили: ты не простолюдинка, ты княжна Снежина. На тебя будут смотреть, твои ошибки обсуждать. Ты должна быть лучшей. Где-то воспитание, как я вижу, дало сбой. Лично у меня – в тот день, когда княжич Синегорский отказался от помолвки. А потом я и вовсе оказалась хуже, чем какая-то там девчонка-сирота, без образования, без связей, даже и не красавица. И вроде бы я постепенно оправилась от этого удара, но сейчас оказалось, что обида все еще живет внутри. Меня отвергли. Выходит, не такое уж я и сокровище?

А братья и вовсе влезли туда, где нечего было им делать. Да, наш государь не идеален. Он горд, надменен, порой жесток. Принял ряд сомнительных указов, ограничил права горожан, усложнил получение патентов. Еще при его отце патенты выдавались бесплатно, на основе одних лишь экзаменов. Теперь же за право работать на себя нужно было заплатить, и немало. Указ об обязательной государственной службе для магов выше седьмого уровня (в том числе и для аристократов, и для незамужних женщин) тоже мало кому из старых семей был по нраву. Но восстание? Чего они намеревались добиться?

Сейчас я бы задала братьям несколько вопросов, но увы... вопросы им задают дознаватели.

Первое время я сходила с ума от тревоги, хотя с братьями особо близка не была. Я ведь воспитывалась дома, а они учились сначала в закрытой школе, потом в университете. Виделись мы лишь пару раз в год. Могли и на улице друг друга не узнать – и такое случалось. И все же... они ведь проиграли свою партию. Ничего хорошего их теперь не ждет. Гордые – не сбежали,

даже не пытались. Ратмир сказал тогда, что за свои поступки и убеждения готов отвечать. Интересно, за смерть государыни Елизанны какая будет назначена плата?

Увы, все мы оказались проигравшими, и те, кто затеял опасную игру, и те, кто оказался втянут случайно.

Наверное, хорошо, что Асур в это время был на Юге. Мне бы не хотелось, чтобы его казнили.

А ведь дознаватели вполне могли бы и меня посчитать замешанной в заговоре. Я была так близко к государыне, а сама не пострадала нисколько – почему? И взрыв был именно в женском крыле.

Может быть, эти дети стали моим спасением.

– Ладно, мои цыплятки, – с нарочитой жизнерадостностью заявила я. – Кто хочет в парк? Такая прекрасная осень, нужно ловить каждый солнечный день!

Цыплятки недовольно заворчали, а я принялась наряжать Амалу в новое платье и ботиночки. Сама тоже переделалась – в то платье, в котором приехала с севера, черное, мягкое, теплое. С белоснежной пелериной оно смотрелось почти нарядно. Жаль, конечно, что трости у меня нет, но уж как-нибудь до парка добреду, а там присяду на лавку. Сил моих нет сидеть в этой тесной каморке, хочется на волю, на солнце, которое совсем не баловало меня в родительском доме.

Уже на выходе из дома я встретила Катерину.

– Госпожа Сусанна очень сожалеет, – выпалила она, широко улыбаясь. – И просила передать вам пирог с капустой и два серебряных – остаток жалования.

Многовато, но не обратно же возвращать! А пирог мы возьмем с собой, в парке и перекусим.

– А вы куда? А можно с вами?

– Матушка тебя отпустит?

– Так я же нянька. А у вас нога болит. Буду Амалку догонять!

И что с ней прикажете делать?

Вообще с Катериной мне куда проще, чем с малышами. Она вполне уже разумный человек, не капризничает и не скандалит. Поговорить с ней можно, пошутить даже. Да и при виде уличных кошек девочка уже не пускает слюни. А самое главное: у нее есть мать, которая и отвечает за ее воспитание. И мне не нужно беспокоиться, есть ли у нее зимние ботинки...

До Зимнего парка я дошла все же с трудом, пообещав себе, что обратно вернусь на извозчике, хоть и недалеко тут. Села на лавочку, вручила детям по куску пирога, потерла колено – и зашипела сквозь зубы. По широкой дорожке прогулочным шагом выступала милейшая парочка: мужчина в шляпе и сюртуке и молодая женщина в пестрой юбке и расшитой блузке. Выступающий ее живот прикрывали кисти яркой шали.

Опять они! Да что за невезение! И не сбежишь никуда – с моей-то ногой!

Шансов, что Асур с женой пройдут мимо, меня не заметив, не было совершенно.

Глава 9. О сложности выбора

– Оставьте меня в покое, – сердито заявила я, когда эти двое приблизились. – Что вы вообще делаете в Большеграде?

– И вам не болеть, госпожа Плетнева. Милана будет защищать диплом, – хмыкнул Асур. – Уже через неделю.

Я выразительно посмотрела на живот ее супруги и фыркнула.

– Мы чуть-чуть не рассчитали, – потупилась Синегорская. – Я никак не думала, что у меня получится забеременеть с первой попытки.

– А она у тебя совсем не знакома с правилами приличия? – хлестко спросила я бывшего жениха.

– Совсем, – развеселился он. – За это я ее и люблю. Никакого жеманства и ужимок, чистая правда прямо в лицо.

Я насупилась. Вот что ему, оказывается, было нужно. Грубость и хамство! Ну уж извините, я вовсе не так воспитана.

– Ты уже придумала, что будешь делать с патентом? – неожиданно спросил Асур. – Ты просила не лезть в твою жизнь, но, кажется, я могу помочь.

– Как? – меня снова охватила злость. Раньше нужно было помогать, теперь уже поздно! – Ляжешь со мной в постель? Так тебе жена не разрешит.

– Убью, – веско сказала Милана, прищурившись. – Обоих. Да так, что никто не узнает, что смерть была не случайна.

– Ого, ты и так умеешь? – вскинула я брови.

– Она у меня маг-артефактор, – ласково приобнял супругу Асур. – Почти уже дипломированный. Нет, я вообще-то другое хотел предложить. К князю Озерову с тобой съезжу, он закроет глаза... на некоторые обстоятельства. Если его правильно попросить.

– Зачем тебе это? Какое тебе дело до меня?

Он уселся на противоположный край лавочки и невинно улыбнулся.

– В память о нашей дружбе.

Клянусь, я очень добрый и совершенно не злопамятный человек, но в этот момент я его ненавидела, как никогда в жизни! Дружба? ДРУЖБА?! Ар-р-р!

И уйти нельзя: где-то в парке Катерина с детьми. И нога опять разболелась.

– Знаешь, что...

– погоди, – перебила меня Милана. – У тебя ведь сын – маг? При чем приличной силы, верно?

Я захлопнула рот. В этом она была права. И вот ведь лиса – безошибочно ткнула в самую уязвимую точку!

– Князь Озеров – человек очень честолюбивый и бесконечно преданный государю, – глядя мне в глаза, сообщила девица. – У него два сына, оба – маги. Один природник, другой целитель.

– А при чем тут я?

– Вы с детьми могли бы... погостить какое-то время у нашего князя. Там будет всяко лучше, чем тут, одной и без всякой помощи.

Я задумалась. Про князя Озерова я хоть и слышала, но не могла припомнить, откуда. Но вообще можно предположить, что он и сам неплохой маг. Преданный государю? Возможно. Уже в возрасте, к тому же южанин. Богатый? Несомненно. Вот только если кто-то будет меня искать (полиция ли, заговорщики ли), в первую очередь к князю и заявятся.

– Мое лицо весь двор видел, – неохотно сказала я. – И бунтовщики наши... все в доме Снежных бывали не один раз. А Марэк... он... ну, маленький. И простолюдин. Кто его узнает?

Действительно, наследника не показывали при дворе. Он гулял в своем маленьком саду с няньками и матерью. Разве что фрейлины знали, как он выглядит... Да где они теперь, те фрейлины?

– Хочешь мне помочь? – пристально взглянула я на Асура, напрочь игнорируя Милану.
– Напиши отцу. Спроси, что на самом деле творится в столице? Жива ли государыня? Ищут ли наследника? Все ли заговорщики арестованы? До нас вести доходят с трудом.

– Зачем же писать письма и ждать ответа несколько недель? – спокойно ответил Синегорский. – У нас теперь есть зеркалограф. Мы пошлем запрос напрямую в королевскую канцелярию.

– Что у нас есть? – удивилась я.

– Зеркалограф. Почта зеркальная. Тут же в Большеграде. Ты что, не слышала ни разу?

Я смутилась. Нет, не слышала. Я и город-то толком не видела, лишь самый центр. Да и когда мне? Первое время на улицу страшно выходить было. Потом поняла, что незамеченной все равно не останусь, но подозревать меня никто не собирался. По большому счету, южным людям плевать, откуда я приехала. Главное, чтобы человек был хороший.

Асур почему-то улыбался, а супруга тыкала его в бок кулачком. Я прикрыла глаза – все это слишком... слишком для меня! Хорошо, я уже поняла, что вы счастливы. Необязательно сыпать соль на рану.

– Мама, я уточек видел! – Марэк подлетел ко мне, локтем задевая больное колено, так что у меня искры из глаз посыпались. – Они у меня пирога отобрали!

Судя по его сияющим глазам, это происшествие его ничуть не расстроило. Я прижала мальчика к себе, поцеловала в макушку и печально улыбнулась. Ведь знала же, что все это – не навсегда. Рано или поздно нам придется расстаться. И чем больше я его удерживаю рядом с собою, тем сложнее потом будет обоим.

Милана и Асур разглядывали Марэка с нескрываемым любопытством, явно прикидывая, насколько он похож на отца. Но сходство было не таким уж и заметным: глаза у мальчика – как у Елизанны темные, а лицо пока по-детски круглое. От отца Мариус взял разве что вихор над лбом и ямочки на щечках.

– А ты хотел бы поехать в деревню? – спросила я мальчика. – К одному дедушке в гости?

– А там есть собаки?

– Сколько угодно, – кивнул тут же Асур. – Целая псарня. А еще овечки, куры и учителя магии.

Он сказал это таким тоном, что я поняла: овцы, куры и учителя для него примерно на одной ступеньке.

– А еще мальчики есть? У меня совсем нет ни одного друга!

– Есть мальчик, но помладше тебя. Ему три года, – сообщила Милана. – Моей сестренки сын. Скучно тебе не будет.

– А мама? – Марэк обернулся на меня. – Она тоже поедет?

Вслед за Амалой он начал называть меня мамой не так уж и давно...

– А мама потом к тебе придет в гости, – Асур присел на корточки и пытливо заглянул малышу в лицо. – А потом тебя папа заберет.

Марэк вдруг побелел и широко раскрыл глаза. Его губы задрожали.

– Зачем ты, – испугалась я. – Он...

– Вижу, – серьезно ответил целитель. Положил ладонь на голову мальчика, и тот сразу успокоился и заулыбался.

– Найди-ка свою сестренку, – попросил Асур. – Вдруг она потерялась?

Марэк кивнул и убежал, а целитель поглядел на меня с укоризной.

– Он так с самого начала?

– Ну да. Я просто не задаю вопросов.

– У Озерова ему станет легче. Там Данил, он целитель. Присмотрит. С детьми он умеет, у него свой сын есть.

– Я подумаю, – ответила я. – Не готова отдавать Марэка незнакомому дядьке, пусть он сто раз князем будет.

– Подумай. Мы в Большеграде еще неделю пробудем. Если что – гостиница “Черная роза”.

– Марэк – сын шорника, – напомнила я.

– Да хоть государя. Князю будет без разницы.

С того разговора прошло три дня. Я выпалась, успокоилась и решила: сына не отдам. Сама справлюсь. Тем более, что с Шанской мы встретились еще раз и сходили вдвоем в Лавровый переулок. Было раннее утро, под ногами шуршали листья, еще не убранные дворниками, солнце уже не шибко грело, зато освещало каждый уголок будущей прачечной. Помещение мне понравилось: небольшая приемная, за ней – светлая и просторная комната с длинным столом и двумя окнами. Имелась еще кладовая с полками и пустыми склянками и ветхими деревянными ящиками, набитыми трухлявой соломой, и небольшая кухня с печью. В комнате с окнами можно работать, а в кухне – обедать. Удобно. А с водопроводом станет еще лучше.

– Ну что, душенька моя, нравится тебе здесь?

– Все нравится, Береника Силовна.

– А теперь правду говори: писать-то умеешь?

– Умею.

– Вот и чудно. Нужно будет учет вести, все, что приносят, записывать как можно тщательнее. И чтобы каждая дама прочитала и подпись свою поставила, а то знаю я их. Скажут еще, что платье отдавали целое, а вернули им с дырами. Или пуговицы украли. Никому доверять нельзя, Марта. Учись быть строгой и даже склочной. Тебе непременно пригодится.

Я только удивлялась – да разве такое бывает? На Севере подобного и представить нельзя. Там люди скандалить не любят и спора лишний раз не затеют, промолчат. А ведь я полагала, что ко мне знатные и богатые дамы приходить будут, разве таким позволит воспитание нагло обманывать?

– И не качай тут головой, было время – я и сама за прилавком аптеки стояла. Всякого наслушалась. Ты девочка домашняя, хоть и работы не боишься. Наверное, родители добрые были. Сложно по первости будет, но ничего, обвыкнешься. С патентом-то что решила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.